

Геннадий ИВАНОВ

Ветер счастья

Новая книга стихов

Москва
Издательство «БПП»
2009

I

Бальмонт

1. Ранний

Любитель солнечных девизов,
Он в мир бросал рулады слов.
И что ни слово — миру вызов
И сотрясение основ.

О, Бальмонт — весь кинжально-броский,
Такой космический, матросский,
Такой возвышенно беспечный,
Надземный и надчеловечный...

Любитель солнечных девизов,
Он прыгал, кажется, с карнизов...
Поэта влѣк далёкий гул —
И шар земной он обогнул.

Он, *Бальмонт*, был — всё в этом звуке:
И блеск, и вызов, и игра,
И артистические руки,
И пламенные вечера...

2. Поздний

Он Бальмонт был, но Иванова
Я нахожу в нём, и Петрова,
И Сидорова нахожу —
И очень этим дорожу.

За всем разгулом декаданса
В нём был отеческий простор,
Печаль уездного романа,
Живой, сердечный разговор.

Был декаданс как испытанье —
Чтоб оторвался от корней.
Но он преодолел метанья
И всей душой запел о ней,

О ней, о родине, России,
О ней, о русской стороне!
Поэт он подлинно всеильный!
И таковым он близок мне.

25.06.07.

В гостях у Бальмонта

Светлане Сырневой

В Гумнищах нет уже гумнища.
И Бальмонта усадьбы нет.
А есть её лишь пепелище
И тот же самый Божий свет.

А это главное — деревья,
Ручьи, поля да озерки.
Да те же бедные деревни,
Где доживают старики...

Здесь вырос Бальмонт, очень странный
Для русских пажитей поэт.
Романтик был он неустанный,
Везде он видел Солнца свет.

Из будней он творил легенду,
И о себе творил он миф.
И соответствовал он бренду —
Велеречив, многолюбив...

А в общем, при спокойном взгляде, —
Он добрый русский был поэт.
И с Пушкиным в одном отряде
Он воевал за Божий свет.

24.06.07.

Моя вера

Нет зерна, кругом одна полова.
Где ты сильный, где ты гордый, росс?
Но я верю, что воскреснет Слово
Родины, как солнце, как Христос!
Просияет для себя и мира.
Верю в это, утверждать берусь.
Это мне подсказывает лира,
Говорит: пиши так — и не трусь.

2002

Деревья

Люблю когда в деревне среднерусской,
Где вётлы, клёны, липы, тополя,
Увижу вдруг сосну. Она деревне
Такую романтичность придаёт...

Люблю, когда в деревне среднерусской,
Где вётлы, клёны, липы, тополя,
Увижу дуб, да если ещё старый, —
Деревне он былинность придаёт.

В одном селе я кипарис увидел.
Он выглядел у нас вполне пришельцем.
Селу он придавал, так скажем, южность
И некий фантастический сюжет...

А впрочем, все деревья навевают
В деревне что-то. Мы не замечаем,
Привыкли к ним. Но все они прекрасны.
Все липы, клёны, вётлы, тополя...

Но я заметил, что они прекрасны,
Когда тут жизнь, когда живут здесь люди...
Тогда деревья — это словно песни
Над крышами родимых деревень.

9.07.95.
д. Гряда

Глядя на икону

Нет времени и нет пространства —
Христос распят сейчас и за меня распят:
За празднословие моё, за блуд, за пьянство...
Нет времени и нет пространства,
А есть Христа страдающего
Взгляд.

Когда я забывал об этом взгляде, —
А забывал я часто в суете, —
То жил и в мерзости, и в подлости,
В распаде...
Без мысли о страдающем Христе.

И было хуже: мысль-то приходила
Порою среди мерзости моей,
Но некая во мне другая сила
Не позволяла укрепиться ей.

И вновь, и вновь я в этом был распаде.
О, дай мне силы одолеть распад!
Напоминай
О страшном, жутком аде.
Не отводи
Страдающий Твой взгляд!

Бог поможет России!
Не может он ей не помочь,
Так её испытавший
Огнём и мечом, и забвеньем.
Вот уже посвежело, светает,
Кончается ночь —
Веет правдою и возрожденьем.

Вот уже просветлело,
Уже проступают черты,
Вот уже прояснилось,
И птичье слышалось пенье...
Бог поможет России,
Но если поможешь и ты —
Тоже правдою и возрожденьем.

Так вдруг сердце себя показало,
Что я лёг отвернувшись к стене.
Как в кремень ударяет кресало —
Обострилось сознание во мне.

Неужели и всё? Так вот глупо —
Не пройдя человеческий путь —
Стану вдруг преждевременным трупом,
Не развеяв с души своей муть?..

Не готов я в высокие дали.
Губы сами молитву шептали,
Изгоняя забвенья истому...
И оставлен я жить по-другому.

Трёхстишия японского монаха

Не образуется облако без дыхания ветра.
Не приходит и грусть ни от чего —
Только от моих грехов.

Сижу в келии и читаю.
Сегодня я не пошёл в гости,
Ибо это вредно — часто покидать келию.

Провожу ночь в молитве —
И душа обретает утешение...
Сколько лет я спал в неведении.

Ленивый монах много претерпит вреда.
А если будет упорствовать в нраве своём,
То сбросит и одежду монашескую.

Снова в горах зима.
Ласточки все улетели.
Только ангелы кружат и сыплют снег.

Сколько появилось богатых кругом.
Но как они невежественны.
Хорошо богатеть кротостью и любовью.

Беги от искушения терпением и молитвой.
Вся остальная борьба только распаляет его,
И оно сильнее нападает.

В чашечке цветка дремлет шмель.
Его уже обессмертил великий Басё.
А до него его уже обессмертил Господь.

8. 01. 07.

Плескучий дождь по крыше льёт в ночи.
По желобам вода стекает в бочки.
А по душе — тоски текут ручьи,
И лишь тоскливые приходят строчки.

В окошке темень поля и реки,
Свет фонаря и призрачный и зыбкий.
Я не хочу тоски — хочу строки,
Ведущей к свету, к радости, к улыбке.

Хочу строки — спасительной такой ...
Но не приходят строки по заказу.
Вот и кручусь, и маюсь я тоской.
И где я подхватил её заразу?

Опять в России в храмах многолюдно.
Гонений нет и дикости былой...
А всё равно воцерковиться трудно.
И тут не виноват ни Сталин злой,
И ни Хрущёв, взорвавший сотни храмов...
А не пускают, видимо, грехи.
И в этом наша слабость, наша драма.
Живём в стихиях разной чепухи.

Без храма христиане мы плохие.
Пора кончать крутиться и болтать...
Преодолеть лукавые стихии —
На якорь в храме православном встать!

6.01.08.

Архиепископ Мир Ликийских,
Святой угодник Николай,
Спасай людей в полях российских
И в городах спасай!

Ты видишь сам всё обстоянье
Упадка, гибели, тоски...
К России прояви вниманье,
Ведь были мы тебе близки

Во все века, твои иконы
Ты видел сам в любой избе...
Сегодня слышишь наши стоны? —
Кому помочь как не тебе.

Молись о нас, святой заступник,
Прости за отступленья нас...
Народ — отчаявшийся путник,
Нет сил идти на этот раз.

Он весь забит и измордован,
Не знает он куда идти...
Он словно бы навеки скован.
Спаси нас и открой пути.

Архиепископ Мир Ликийских,
Святой угодник Николай,
Спасай людей в полях российских
И в городах спасай!

19.01.08.

Держитесь, люди русские, держитесь!
Друг другу помогайте, не ленитесь.
Нам надо выжить, выстоять, подняться,
Чтоб никого на свете не бояться.

Чтоб не грозили нам, не унижали,
Чтоб наконец-то мы соображали —
Кто друг, кто враг, что в нас самих спасение.
Тогда и будет наше Воскресение!

16.01.99.

Ветер счастья в несчастной стране
И летает, и кружит...
От него упоительно мне
И деревьям, и лужам...

Над бедою летит, над тоской.
Волей вольною дышит.
Он откуда берётся такой —
Из полей или свыше?..

28.02.09.

Россия — страна золотого тельца?
Нет, это ошибка.
И даже с простецкого видно крыльца,
Что это ошибка.

Россия — страна православных людей,
Живущих по Богу.
А всё остальное — очистить скорей.
России — дорогу!

Сростки

Сростки. Солнце. Гора Пикет.
Свет от берёз желтейший.
И от писателя — тоже свет,
Ласковый и мудрейший.

Осень стоит как итог, венец...
Что же у нас в итоге?
Василий Макарович, вы молодец!
Кланяюсь в ноги.

Вы богатырь, и совесть, и свет,
И утешенье России.
В итоге — снова у нас много бед,
Но с нами Шукшин Василий.

В итоге — снова ложь и позор,
И бедность опять в итоге.
Опять на Руси процветает вор,
А люди тщедушны, убоги.

Василий Макарович, как без вас?
Без вашего слова?
Вот прочитаю я ваш рассказ —
И хочется жить мне снова.

Хотя кругом ничто не бодрит,
В народе тоска всё круче...
Шукшин горой за нас постоит,
Пикетом своим могучим.

**На вечере «Алтай литературный»
в Москве**

Приехали алтайские писатели.
Но не приехал нынче Башунов.
И не найдут его нигде искатели
Среди земных дорог и берегов...

Тут нет нигде его прищуря строгого,
Усмешечки сибирской с хитрецей.
Не выйдет он ни из какого логова
И не тряхнёт отросшей бородой.

Стихи остались?
Да, стихи остались.
Но сам-то он не хуже был стихов...
Мы на небесном встретимся Алтае:
«Ау, Володя! — крикну — Башунов!»

22.09.07.

В Иркутске

Что мне Колчак? Пожалуй, ничего.
Вот памятник ему, вот крест на месте,
Где труп его под лёд спустили дружно.
Вот монастырь, где молятся о нём.

Сюда приходят, приезжают люди...
К легенде, может быть: мол, адмирал
Мог повернуть историю России...
Не повернул. И мог ли повернуть?

Всё дело в жертвенности. На Руси у нас
Всего превыше жертва за святое.
Борис и Глеб — начало всех начал.
Сама Россия — жертва за святое.

Что мне Колчак... Но вот стою, стою
Не берегу реки быстротекущей
И думаю об этом человеке:
Как смерть он принял здесь, на Ангаре.

Всё дело в жертвенности. На Руси у нас
Всего превыше жертва за святое...

А жертвы за святое — мужики,
Колчаковцы которых убивали?
И вырезали звёзды на груди...
Пожалуй, жертвы. Жертвы за святое.

Как много было жертв тогда, в те годы,
На многих русских реках и везде...
Они, быть может, были не напрасны.
По крайней мере, думается так.

15.04. 06.

На Рождество

Всё не так идёт, как в мыслях.
Наяву
Уклоняюсь я от света во тьму.
Снова, снова я на помощь зову:
Спригвозди всего меня страху Твоему!

*Сохрани меня от слова и от дела душестного,
Вразуми и просвети!*
Снег летит на купол храма древнего.
Снег — лети!

Нынче в храм людей приходит множество.
Тоже — торопись.
Снег — лети! Пой хор! В России Божеской
Ещё можно грешному спастись!

Возражение

*В моей стране так мало света,
Царят в ней деньги и чины.
В моей стране мечта Поэта —
Наестся вдоволь ветчины.*

Николай Зиновьев

Как много света — выйди в поле!
Какая дивная страна!
Не унижай поэтов, Коля.
Зачем поэту ветчина?

Ему Катулл, ему Конфуций,
Ему божественные сны.
Поэту *мало конституций!*..
Ну что ему до ветчины.

Поэты ходят по фуршетам
И по банкетам, но всегда
На них не по себе поэтам —
Еда она и есть еда.

Восхищение

*Я прощаю вас, люди!..
Простите меня.
Если путь у вас труден,
Отдам вам коня.
Магомед Ахмедов*

Прослышал я, что друг мой Магомед
Людей спасает от забот и бед.
И если у кого-то путь тяжёл,
Отдаст коня, чтобы пешком не шёл.

Какой ты добрый, щедрый, Магомед!
Я б так не смог. Коня к тому же нет.
А у тебя ведь тоже нет коня...
Но ты щедрее всё-таки меня.

О мире

*Я устал от тоски. Я не сплю.
Я стою у окна. Замерзаю.
Боже мой! Как я мир не люблю,
Как устройство его презираю!*

Михаил Анищенко

Этого мира осталось, быть может, на годы,
Не на столетья осталось лесов и полей,
Птиц распевających, в сердце поэта свободы...
Не проклинай этот мир, а его пожалей.

Что, Михаил, мы о мире воистину знаем?
Мы в этом мире пичужки, песок и трава...
Мы о нём знаем немного, хоть много страдаем.
Выстрадай душу, а всё остальное — слова.

В Пюхтицах

Монашки сами пашут-сеют,
И скотный двор у них большой,
Дрова сложить шатром умеют...
И всё-то с радостной душой.

В монастыре и за калиткой
Они возвышенно живут:
Везде с Иисусовой молитвой,
Стихиры чудные поют...

Кругом леса, кругом озёра,
И тишина со всех сторон.
Плывёт из храма голос хора
На православный небосклон.

... там живёт большой карась...

А.А. Ахматова

Там, где реют стрижи, там,
где реют стрижи над овинами,
Там, где дремлет карась в зарастающей тиной воде,
Там, где купы цветов, а над ними
гуденье шмелиное, —
Там, куда ни пойду, мне родное и всё и везде...

Среди горестной жизни,
томительной, не удивительной,
Я порой забываюсь, и переносюсь я туда,
Где мелькают стрижи,
на планете такой примирительной,
И где дремлет карась, золотистый хозяин пруда.

Сколько можно хитрить и лукавить,
И молчать, и душою кривить.
А не проще ли славное — славить,
О бесславном как есть говорить.

Мы теряем себя, извиваясь,
Чтобы правду как есть не сказать...
Мы живём, в раздвоении маясь, —
И отходит от нас благодать.

26.04.08.

У кореньев Мамврийского дуба
Зеленеют побеги опять.
Значит, жизнь продолжается наша,
Нам дано ещё время п о н я т ь
Наши беды и наше спасение...
Понимай! понимай! понимай!
Ну и меры давай принимай,
Чтоб не смерть была, а воскресение.

2007

Нас пугали гражданской войной.
Нас пугали и хладом, и гладом.
Нас пугали своей же страной
Как «империей зла» или адом.

Мы запуганы этим вполне.
От всего отрекались мы срочно.
Ничего не осталось в стране
Что спокойно, надёжно и прочно.

Только церковь, лишь церковь одна
Так же учит добру — без сомненья.
Так же ясно сияет она
Среди наших умов помутненья.

Осень, осень — храм золотой.
Хочется петь и молиться.
Осень, осень, не спеши, постой.
Дай насмотреться, дай надивиться.

Жизнь — это тоже храм золотой.
Хочется тоже петь и молиться...
Ты не спеши, не спеши, постой.
Дай насмотреться, дай надивиться.

4.10.08.

Ветер качает рябины.
Ветер осенний летит...
Нету на сердце рутины —
Сердце высоким знобит.

Листья летят в круговерти.
Ветер — и ночью, и днём.
Думы о жизни и смерти,
О Милосердном, о Нём...

Осень проносится с шумом,
Жизнь заглушая мою.
Думы, и думы, и думы...
Как над обрывом стою.

4.10.08.

А осень ничего не обещает,
Она честна — и потому светла.
И в ней весна с мечтами утопает,
И в ней зимы слышны колокола.

Деревья по-осеннему качает
И устилает все пути листвой...
А осень ничего не обещает,
И на душе поэтому покой.

30.09.08.

На красном кустарнике белая кожица инея.
Но солнце выходит, и нежно влажнеют кусты.
В конце октября — то осеннее небо, то зимнее.
В конце октября обо всём передумаешь ты.

И что же выходит? Выходит, что всё идёт правильно —
Что надо работать, что многое надо терпеть.
Погублено много, и многое в мире отравлено,
И всё-таки есть, что ещё в этом мире воспеть...

Внучке

Спой песню мне, скажи мне слово,
Анастасия Иванова!
Но слишком занята она.
Куда-то вдаль устремлена.

Ей некогда сказать словечко.
И я смиряюсь, как овечка.

3.04.08.

Вот объект моего внимания —
Эта девочка, этот свет!
Настя, Настенька — ты послание,
Ты на все вопросы ответ.

Настя, Настенька, чудо чудное
И пречудное чудо — ты!
Всё житейское, многотрудное
Превращается вдруг в мечты...

Ты мечта — и вокруг мечтательно,
Ты светла — и вокруг светло!
Удивительно, осязательно:
Как нам взрослым-то повезло!

2008

Почему-то дети отовсюду падают.
Настя упала с качелей, упала с гамака,
С постели, со стула, с крыльца...
Как будто они должны попадать,
Чтобы привыкнуть к земле,
Адаптироваться здесь
После прекрасных полётов
В Божьем небе...

2006

Детей проблемы и отцов
Пока по нам не бьют.
Идёт засолка огурцов,
И Настя тут как тут.

Она всё видела у нас —
Как огурцы растут,
И поливала их не раз,
Теперь вот тут как тут.

Кладёт по банкам огурцы,
Ещё укроп кладёт.
Мы труженики, молодцы!
Потом под Новый год

Откроем банку огурцов,
И скажет, крякнув, дед,
Что лучше Насти нет спецов,
И что вкуснее огурцов
На белом свете нет.

2008

Снег сверкает и мерцает
И тепло он отрицает.

Ох, далёко до тепла,
Чтоб зима-то потекла.

У зимы свои есть ласки,
У зимы свои есть сказки.

Есть для Настеньки салазки,
Новогодние есть маски...

Лыжи, горки и коньки
И на ёлке огоньки...

19.01.08.

Жизнь это всё-таки не ад,
Хоть и трясёт по кочкам.
Теперь я светлой внучке рад,
Её шажёчкам.

Теперь я светлой внучке рад,
Её улыбке.
Я счастлив, упоён, крылат!
Я сам — как в зыбке.

Как бы не ведая утрат,
Надежды строю...
Жизнь это всё-таки не ад,
А рай — порою.

У меня есть внучка Настя.
Богородица, молю,
Дай ей радости и счастья,
Как простора — кораблю.

Помоги ей в жизни светом
И советом помоги.
В мире очень сложном этом
Не видать порой ни зги...

У Тебя на всё есть воля,
У Тебя на всё есть власть.
Помоги ей в жути, в боли
В мире страшном не пропасть.

Листок рябины — многокрылый,
Сияет в дождевой пылице...
Не скучный мир и не унылый
В начале жизни и в конце.

Конечно, в середине тоже...
Вообще, прекрасен Божий мир.
Ты показал его мне, Боже.
Ты показал мне этот пир.

Живу, любясь, восторгаясь.
И не спешу финал узреть.
В печаль, бывает, повергаясь,
Всё ж не хочу я умереть.

Хочу смотреть на лист рябины,
На ласточек и на траву...
Живые, милые картины —
Не в памяти, а наяву.

2008

Наклонились низко ивы.
В небе птичий крик.
«Не умрём, а будем живы!» —
Говорит старик.

Листья падают на воду,
На кресты могил.
Сердце верит небосводу,
Свету вышних сил.

19.10.08

Шутки в сторону и улыбочки.
Я на ниточке словно вишу...
На колени встаю и на цыпочки
И у Бога прощенья прошу.

Я грехи свои вижу явственно,
Но поправить их трудно мне...
Я хочу жить, Господи, нравственно,
Но порой утопаю в вине.

Стыдно мне за многое прошлое
И за новую суету...
Всё плохое — моё, а хорошее
Ты даёшь, и любовь, и мечту...

Ты даёшь доброту, вдохновение,
Лад в семье и здоровье детей...
Я прошу всей душой прощения,
Изменения жизни моей.

19.10.08.

Так суждено и так от века
И до скончания времён:
Жизнь за и против человека,
И человек — двоякий он.

Приемлет он и отвергает...
И всё же, всё же по весне
В душе так радостно светает,
Что мир иной не нужен мне.

Всё здесь уже — земное царство
И Божье царство. Всё вокруг.
И это вовсе не бунтарство,
А лишь признание заслуг

Того, кто это всё устроил —
Весну и дождики, и свет...
Кто нас чудесно удостоил
Таких немислимых побед.

11.05 03.

И снова праздник новолетия.
И году каждому — спасибо.
Идут года, идут столетия,
Как эшелоны по Транссибу.

Садимся где-то мы на станции
И где-то сходим на другой...
Живём в движенье и прострации,
И кто-то машет нам рукой...

Наш путь вполне запрограммирован
И, может, даже заминирован.
Но пусть года идут, столетия —
Поднимем тост за новолетие!

24.12.02.

У нас всё протухает с головы.
Но стоит дельной голове явиться —
И сразу радость, добрый дух молвы,
В сердцах надежды, и светлеют лица.

Теперь живём изрядно ободрясь,
Стремясь душой к высокому пределу...
И так не хочется потом обратно в грязь.
Нет, к возрожденью, к радости и к делу!

2007

За жемчужным закатом приходит закат золотой,
А потом чуть зелёный, и запад — темнеет, темнеет...
Вот и майская ночь, и пронизано всё пустотой,
Ожиданьем чего-то... Душа в ожиданье немеет.

Ожидаешь, быть может, невысказанных слов и чудес —
Небеса и земля поменяются будто местами?
Но всё тот же за избами в вечном терпении лес
И в терпении вечном поля и речушка с кустами.

Мне душа говорит: не ищи в мирозданье чудес,
Но в себе сотвори превеликое самое чудо.
Всё отводит тебя от духовного подвига бес,
Потому и тоскуешь, тоскуешь ты, словно иуда.

Надо рано проснуться и в храм надо строго пойти —
Надо стать прихожанином здесь на земле,
не проходим...
А иначе — иначе покоя никак не найти.
И святые с икон мне как будто сказали: «Поможем!»

После расстрела. 1993 год

Томительная ночи повесть.
Приходят мысли обо всём,
Но нет в них той, чтоб, успокоясь,
Уснул я не печальным сном.

Мне стала чуждою столица.
Пустынным стало всё кругом.
Овеянные правдой лица
Мне видятся,
Горящий дом...

Всё идёт к чему-то не родному.
Может, будет Крым совсем чужой.
Но гоню тоскливую истому,
Радуюсь я морю всей душой.

Я ныряю и — озноб по коже!
Я плыву, качаюсь на волне.
Радуюсь!
А всё-таки, а всё же...
Радуюсь, конечно, не вполне.

Слева Керчь, а справа Феодосия,
Плещет море пенною волной.
Да, была в России Малороссия...
Чужеземной будет стороной?

2007

Любовь, любовь... Улыбкою сверкнула
И в честь свою зажгла она звезду...
Зато потом корёжила и гнула
И заставляла жить порой в аду.

Теперь бы предложили мне, не скрою,
На выбор: вот любовь, а вот покой —
Я, безусловно, выбрал бы второе...
И мучился бы только над строкой.

14.10.08.

Ещё одна осень проходит в скандалах,
И бесы кружат и кружат...
И в золоте — листья, и волны — в опалах,
А в доме — усталость и ад.

Но можно уйти и остаться на воле,
И замкнутый круг разорвать...
Но чувства — судьбы, и единства, и доли —
Куда их потом надевать...

И кажется мне, что кружащимся бесам
И нужен полнейший разрыв.
Хохочут, топчут, глядят с интересом:
Когда мы заплачем навзрыд?

13.10. 08.

О книге Б.А. Можаяева «Мужики и бабы»

Я читал эту книгу с болью такой,
Будто плакал навзрыд над великой рекой.
Над великой рекой, вдруг повернутой вспять...
И бессилён хоть что-нибудь ты предпринять.

И погибла река... И погиб целый мир...
Воронью на костях уготован был пир.
Там погибло такое... России костяк.
И не может Россия подняться никак.

Изба

Рождались тут и умирали,
Играли свадьбы. И всегда
Варили, стряпали, стирали...
И шли года, и шли года.

У этих стен, как бы волчата
Или лисята у норы,
Резвилась детвора когда-то,
Не уставая от игры.

И шли года, года летели.
И век свистел в печной трубе.
Здесь «Ермака» и «Тройку» пели
И горевали о судьбе.

Всё пронеслось, всё пролетело...
И ни детей тут, ни старух.
Избы порушенное тело
И отлетевший в вечность дух.

3.04.08.

Николаю Дмитриеву

Эти стихи зацепились за русскую почву.
Эти стихи прорастут, будут жить и цвести...
Дмитриев Коля, скажу тебе нынче заочно
То, что при жизни тебе не сказал я, прости.

Строчки твои зацепились за русскую почву.
Книги твои говорят мне о жизни родной...
В книгах твоих открываются добрые почки,
Птицы поют, деревенскою веет весной.

Мы из деревни с тобой и поэтому, Коля,
Зримей, понятней нам русской разрухи тоска.
Как хорошо ты рифмуешься — Коля и поля!
Каждая строчка твоя мне понятна, близка.

Вот у тебя уже вышла посмертная книга.
Я прочитал её — в ней всё острее и больней...
В общем, стихи твои, скажем так, высшая лига,
Хоть и не любят пускать в неё русских парней.

Ты поработал, талант свой ты выразил полно.
Как ты свободно и плакал и пел на земле!
Катятся, катятся, катятся вечности волны;
Как маяки, остаются поэты во мгле.

18. 01. 08

Поэту Василию Мишневу

Мишенёв живёт в Берёзове,
Далеко на северах.
А стихи его — всё козыри!
Весь он в музовых дарах!

Я, читая, чту Василия.
Он спокоен и высок.
Всем здесь видно без усилия,
Что тут Смысл, а не подлог.

Сердце чистое нам явлено,
И Россия тут во всём.
Всем и каждому объявлено:
Духом родины живём!

Простодушие заветное.
Чудодейственный букварь.
И такое — Безответное...
Хоть посмейся, хоть ударь,

Этот слог неоскорбляемый —
Словно небо и земля.
В городах душою чаемый,
Словно оклик журавля.

Мишенёв живёт в Берёзове —
Под дождями и под грозами.

12.09.08.

Мир душен, бывает, и тесен.
В такой вот удушливый миг
Вдруг умер в районном собесе,
Охрипший старик, фронтовик...

Он мог умереть бы в больнице
И дома в постели бы мог...
Но мне почему-то всё мнится,
Что так пристыжает нас Бог.

Совесь проснулась рано,
В пять или в шесть утра.
Сказала: «Пошто был пьяный?
Зачем напился вчера?»

И я так искренне клялся,
Что хватит, последний раз.
... И тот властелин смеялся,
Который мучает нас.

В полях под Бежецком

Я себя тут радостно неволю:
Целый день восторженно хожу,
Целый день, как плуг, хожу по полю
И своё, незримое, пашу.

Я смотрю, как травы-богомольцы
От ветров склонились на восток,
Как вокруг солнца воссияли кольца,
Как в траве ребром лежит листок...

Стрекоза запуталась в сплетенье
Трав сухих — и бьётся, и шуршит.
Я помог ей, даже с умилением
Поглядел, как в даль она летит.

Поглядел на старые осины,
Поглядел на молодой лесок,
Думая о жизни, о России —
Что заколосится поле в срок...

Что пройдут все эти заблужденья,
И опять Микула Селянин
Встанет из великого забвенья
Да для новых былей и былин.

И тому положено начало
В эти годы, и надежда есть.
Нас ещё тоска не укачала,
Не устали ждать благую весть.

2007

Вот он — бархатный русский сезон:
Хлопья снега кружатся, ложатся...
Будет белым зелёный газон.
Восхитительно будет дышаться.

А купаться в сугробах — мечта!
Всем купаньям другим не чета.
Выбегаешь из бани на снег
И — счастливейший ты человек!

Ты, как сталь, раскалён докрасна.
Над тобой зеленеет сосна.
А со снега — опять на полок,
Там, где знойнее, под потолок.

Бьёшься так, что качаются сваи,
И, конечно, бледнеют Гаваи.
И опять выбегаешь на снег,
И — счастливейший ты человек!..

А со снега опять на полок,
Там, где знойнее, под потолок...

II

В Чегеме

Как странно:
На могиле Кайсына Кулиева мне радостно.
Как будто я встретился с самим поэтом...
Так не бывает на могилах родственников —
Там всегда есть чувство утраты или даже вины.
А здесь — чувство обретения,
Чувство радостной благодарности
За то, что его стихи меня радуют, умудряют
И укрепляют в жизни.

Я стою над могилой
Рядом с памятником из белого мрамора.
Прекрасный памятник, прекрасный образ поэта.
Белый мрамор символизирует светлую душу Кайсына,
Искренность и чистое мужество.

Хорошо ходить по дому поэта,
Который стал музеем,
Хорошо вспоминать его стихи и поговорки —
Мне нравится такая:
«В горах ценится длинная верёвка, но короткая речь».
Хорошо постоять под огромным раскидистым орехом,
С которого планируют, как птицы, большие осенние
листья.
Хорошо опять вернуться к могиле
И словно бы поговорить с поэтом по душам...

Одна печаль:
Не удалось добраться до Верхнего Чегема,
До родного гнезда поэта, до его истока, до его сакли...
Там где-то в горах засели боевики.
На днях они жестоко убили девятерых
Егерей и охотников.
Такое теперь кровоточащее время.

Я стою у могилы Кайсына Кулиева
И прошу его — на небесах
Сделать всё возможное,
Чтобы кончилась эта кровоточащая полоса скорее.
Там ему должны помогать и Расул Гамзатов,
И Алим Кешоков, и Мустай Карим,
И Николай Тихонов, и Михаил Дудин,
и Наум Гребнев...
Там у Кайсына много друзей и единомышленников.

14. 11. 07.

Лелековка
(Воспоминание об армии)

Вначале я полгода служил в селении Медведь
Новгородской области.
Аракчеевские места. Аракчеевские казармы
Из красного кирпича.
Было много занятий, шагистика на плацу,
Резкие команды сержантов,
Патриотические стихи для укрепления духа
И грустные письма девушке...
И желание всё преодолеть ради будущего.

Потом полтора года я служил на Украине,
В Кировограде. И тоже в красных казармах.
И тоже были занятия, марш-броски, плац...
И ещё была деревня Лелековка за городом,
Где стояла наша грозная техника,
И куда мы почти каждый день ездили на машинах.

Лелековка... Лелека — это аист.
Как там ласково относились к солдатикам,
Какие чудесные песни там пели по праздникам!
«Несе Галя воду, коромисло гнется,
А за нею Йванко, як барвинок, вьеться».
Украинские песни не просто красивые —
В них красота нашего райского первородства,
В них чистота и звонкость нашего славянского начала,
В них щедрое солнце жизни.

Лелековка... Осенью мы убирали там свёклу,

И нас кормили за это горячим багряным борщом,
Рядом с которым порой оказывалась горилка...
Это, конечно, не по уставу,
Но по жизни это было естественно.

Странно подумать, что в Лелековке
Скоро может стоять американская военная база...
А ведь такое может быть.
Сегодня всё может быть.
И странно вспоминать, как замполит
Нагнетал обстановку, что вот-вот начнётся война —
И многим из нас думалось: скорее бы на гражданку
Да жениться и хоть немного пожить с любимой,
Пока не началась война.
Всё вышло не так — вышло без войны.

... Это стихотворение я хотел закончить сравнением
Нынешнего состояния нашего разделённого народа
С моим состоянием в армии в начале службы —
Я хотел сказать, что несмотря ни на что
В нас живёт желание всё преодолеть
ради б у д у щ е го.
Но правда ли это?
Есть ли у нашего разделённого народа такое желание,
Такое чувство?
Думаем ли мы о нашем
общем
будущем?

4.02.07.

Воспоминание о Беслане

... И спецназовцы наши сегодня в раю.
За детей осетинских погибли в бою.
По-небесному, значит, за други своя,
Хоть у многих остались свои сыновья.

Беспощадная битва идёт на земле.
Мы, беспечные, тонем и гибнем во зле.
И так часто теперь за расслабленных нас
В городах и горах погибает спецназ.

Вечернее воспоминание о Кавказе

На столе моём яблоки из аула Цада*.
Над столом зажигается (над аулом) звезда...
Вспоминаю селение, и людей, и музей.
Вспоминаю как доброе — как родных и друзей.

Всё врагам нашим хочется разорвать, поломать.
Но Россия родимая не кукушка, а мать.
Мать полям зеленеющим, и горам, и лесам...
Это понял, почувствовал и увидел я сам.

И в ауле гамзатовском, и в якутской дали
О России единственной нам кричат журавли.
О России единственной мы и сами поём,
Хоть у каждого — родина и отеческий дом.

Да, Россия родимая не кукушка, а мать,
И она обязательно будет всех защищать.
... На столе моём яблоки из аула Цада.
Будем вместе и братьями — навсегда, навсегда!

Аул Цада — родина Расула Гамзатова.

22.09.07.

Такубоку в деревне

Стоит сарай, покрытый дранкой.
Стоит мужик, покрытый мглой.
И я иду — с японской танкой,
С японской танкой под полой.

Ходил к речному я потоку.
Закат в воде был нежно ал...
Я взял с собою Такубоку
И на закате почитал.

Кризис

1.

Умирать не страшно — страшно расставаться.
Страшно оставлять тебя одну.
Как ты будешь здесь перебиваться?
Горше смерти чувствую вину.

А помочь я не смогу оттуда.
Боже, сколько, сколько вдов кругом...
Боже, сотвори такое чудо —
Возврати мужей в их дом.

Понимаю, всё я понимаю...
Но тебя, любимую мою,
Нынче со слезами обнимаю.
Боже, на Тебя я уповаю,
На заботу и любовь Твою.

2.

Душа моя будет синичкой
И будет сюда прилетать —
На Настину рукавичку
Садиться и крохи клевать.

Она подлетать будет к сыну
И тенькать ему и свистеть...
И будет летать на рябину —
В родимые окна глядеть.

А в окнах родимых Наташа
Читать будет или дремать...
Про жизнь про счастливую нашу
Я буду ей сны навевать.

2 февраля 2008 г.

Слава Богу, вымолено чудо —
Вижу я ещё одну весну!
Пасху ещё праздную покуда,
Поздравляю сына и жену.

Поздравляю внучку и невестку,
И друзей, соседей...
Всем на Суд
Принесут когда-нибудь повестку...
Но пускай позднее принесут.

26.04.08.
завтра Пасха

В углу горит домашняя лампада.
В окне рябина гроздьями горит.
Не унывай, любимая, не надо.
Нам унывать не скоро предстоит.

Ещё есть время рядом быть и близко,
Ещё есть время петь и говорить.
И пусть проходят эти тучи низко,
Задача их идти и проходить...

А нам задача оставаться рядом,
Задача наша доблестно проста —
Семейным, вековечным жить обрядом
До своего последнего креста.

В углу горит домашняя лампада.
В окне рябина гроздьями горит.
Пускай кругом прогнозы снегопада.
Нам унывать не скоро предстоит.

27.10.02.,
27.09.06. Воздвижение

Весенние наброски

А скворцы — молодцы:
Прилетели рано.
А летели далеко,
Из Ирана.

На берёзе сок,
Под берёзой сок...
Ах, весенний сок
Затопил лесок.

А как прекрасна у пруда
Световоздушная среда!

Весна, весна! Ты лучшее, что есть
Изо всего, что нам дано от века.
Ты словно в детстве радостная весть,
Ты как спасенье в жизни человека.

Два четверостишия

Стоять на камне заповедей Божьих!
Легко сказать, но трудно устоять.
Сорвёшься — и мороз бежит по коже:
Скорей, скорее на него опять.

Над могилой слёз не лей, не надо:
Вечна жизнь, есть лишь земной предел...
Но за ним небесная награда
Тем, кто жизнь земную претерпел.

2008

Старшеклассники просят почитать стихи о любви.
А у меня их почти нет.
Таких... В том роде, в каком бы нынешних ребят
Устроило и заинтересовало.
Чтобы страсти, красивые встречи и красивые расста-
вания,
Клятвы и слёзы...

Я женился и живу.
И люблю свою семью.

Когда-то мне тоже казалось,
Что поэтам нужны любовные страсти,
Встречи-разлуки...
Что всё это даёт вдохновение,
Рождает новые стихи...
И тогда я чуть не потерял свою семью,
Увлёкшись новой страстью.
Нет, все эти любовные порывы
Для семейного человека — от лукавого.
И нет выше любви, как сказано в Писании,
Чем положить жизнь свою за други своя.
За ближних своих.
А новые влюблённости, новые страсти —
Предательство ближних.

Нет, ребята, всё сложнее,
Чем кажется в молодости.
И всё гораздо проще — по сути.
И венец любви — не страсти,
А добрая семья.

16.12.07.

Поэты мешаются под ногами.
Когда вокруг такое движение.
Такие реформы...
Когда крутятся такие деньги.
Когда так просто
Стать хозяином жизни...
Когда сброшены все приличия...

Поэты мешаются под ногами
И настаивают на вечных истинах.
Кто их слушает? Кто им платит?
Никто.

Но они всё равно мешаются под ногами.
И странным образом
Эти великаны,
У которых они мешаются под ногами,
Потом куда-то исчезают...
А те, кто мешается под ногами,
Растут, вырастают
В больших поэтов,
В национальную гордость и радость —
И с ними считаются
Подлинно великие люди.

И не важно, что нередко это происходит
Уже без самих поэтов.

16.12.07.

Для чего и живём,
Для чего и тоскуем?
Чтобы выйти однажды
На берег морской
И увидеть:
Громадами волн атакуем,
Берег выстоял,
Выдержал бой.

А зачем — и не знать.
Так должно быть — и точка.
И не думать,
Что путь наш нелеп.
Исчезает не жизнь,
А её оболочка.
Будет новая жизнь -
И дорога, и хлеб...

Ты говоришь мне: дача, дача...
Но лишь на родине удача.
Но лишь на родине душа
Сама себе так хороша.

Поедем, лапушка, в деревню.
Пойду гулять я по лугам.
Там корешки мои, коренья...
Там хорошо моим ногам.

По ним бежит земная сила,
Бежит по телу жизни дрожь.
Здесь рифма просится — могила.
Я рифму принимаю, что ж.

В родной земле упокоенье
Милей, так думается мне.
Милей там будет воскресение —
В знакомой, милой стороне.

25.03.07.

Всё меньше слов, которые волнуют.
Отволновали многие уже.
И потому душа моя тоскует,
И потому покоя нет в душе.

Порой смотрю навроде истукана
На этот мир... И только слово БОГ,
Как солнышко, выходит из тумана, -
Чтоб жить я мог и вдохновляться мог.

Без вдохновенья — не душа, а вата.
И каждый день — не жизнь, а маета.
Вы видели солдата из стройбата —
Ремень свисает, выправка не та...

Вот так и я — без выправки, помятый,
Хожу, как перед всеми виноват...
И даже хуже — словно в плен я взятый,
Униженный, бессмысленный солдат.

Разрыли холм — и где стоял наш дом,
Теперь огромный котлован.

Но чудо —

Тут поселились ласточки, они
В обрывах гнёзд наделали — мелькают,
Свистят, щебечут, ласково звенят!
Тут всё-таки поэзия осталась,
Хоть нет избы, колодца и ветлы,
Нет ничего... Но ласточки летают!
Но ласточки прекрасное хранят.
И пустоту земную заполняют.

... Не только в деревне — в столице и на полустанке
Скрипит беднота, нищета, выбиваясь из сил.
А где шелохнутся — там лязгнут и двинутся танки.
Для всех обречённых урок показательный был.

Я уйду от выпивок-закусок
В страну стрижей, грачей и трясогузок.

Душа в Москве от этого устала.
Хоть и в деревне тоже пьют немало.

Но что-то надо делать.
Уйду
В поля, в леса... Куда — я не скажу.

Я не оставлю адрес никому,
И стороной я обойду селенья.
Известны будут Богу одному
Не пьяные мои увеселенья.

Лиловый татарник да жёлтая любка, пушицы
Белеющей ватки, ромашки, ладьян да кипрей...
Цветы и цветы, а над ними звенящие птицы!
Как тётушка скажет: «Красиво, не надо морей!»

И, правда, не надо. Цветов — тоже целое море.
И море небес, или даже вполне океан...
Ты бродишь весь день в этом сладком,
родимом просторе —
Вдали проплывает
 былых
 деревень
 караван.

14. 03.07.

На конференции в Каире

Нам подавали египетское вино «Обелиск».
Название странное, рисующее в сознании
Образ братской могилы алкоголиков...
Я пил этот терпкий и даже горьковатый напиток,
Закусывая мягкой брынзой и помидорами...

Мы сидели и говорили о том,
что упал интерес к поэзии,
Что красота и глубина слова почти никому не нужны —
Мир становится непроницаемо материальным,
Поэты лишние на этой крикливой ярмарке...
Одним словом, вино «Обелиск» было тут уместно
И рисовало в сознании ещё и образ
братской могилы поэтов.

Потом, уже в Москве, в «Мифах народов мира»
Я вычитал, что в Древнем Египте
Главного бога Ра, бога солнца,
Славили египтяне обелисками,
И даже храм ему был построен
В виде четырёхгранного обелиска.

Значит, мы пили божественное, солнечное вино.
Так что не всякий обелиск означает могилу.
И возможно, наши печали —
Это всего лишь терпкость и горьковатость
Божественного, солнечного напитка...
Бывают какие-то недоразумения,
Невнятица в словах, не всё нам сразу ясно...

Главное, что есть солнечный,
Божественный напиток поэзии —
И поэты будут пить его всегда,
Какие бы кризисы поэзии не происходили,
И какие бы разговоры на эту тему не затевались.

18.02.07.

Мне говорит Фарух Шуша,
Поэт египетский большой,
Что главное для нас душа,
То, что в душе и за душой.

А за душой у нас одно —
Любовь к прекрасному родному.
На древний Нил его окно,
Моё — на поле и солому...

Теорий будет миллион
И всяких споров, конференций...
А победит — тот, кто влюблён
В дух красоты, не в скуку лекций.

Мне говорит Фарух Шуша,
И я во всём согласен с ним.
И у него поёт душа,
И у меня поёт душа —
И мы с ним х о р о ш о с и д и м.

Пирамиды

Сорок шесть веков назад строили эти пирамиды.
Конечно, от них веет непостижимой древностью.
А облака над пирамидами совсем юные, молодые,
Такие белые, лёгкие, прозрачные...
И я ловлю себя на том, что эти облака
Волнуют меня больше древних пирамид.
Я смотрю на них и как будто
Мне есть о чём с ними разговаривать.
А вот с пирамидами я не знаю
О чём разговаривать —
Как с вечностью.

18.02.07.

Дико ринутся хищные стаи песков...

Н.С. Гумилёв

По Синайской пустыне идут бедуины.
По Синайской пустыне идёт караван.
У людей и верблюдов натружены спины.
Их дорога — в Каир и в Амман.

Этот путь европейцу не очень по силам.
Я пройти бы его не хотел.
Но прекрасный поэт, мой земляк из России
Здесь прошёл и пустыню воспел.

В сердце Африки слышал он грозное пенье.
— Нас обманет пустынная тишь. —
Он предвидел песков ненасытных движенье —
Мол, пески занесут и Москву и Париж...

Я не понял пустыню, я был тут мгновенье.
Мне понятнее поле в цветах и река...
И слышнее мне в сердце России томленье —
По Христу мы томимся века.

Это очень понятно и очень мне близко.
А пустыня — другой это мир...
Это мир пирамид, бедуинов и риска...
Это вечности клёкот — Каир.

Каир

1.

Каирская тоска — от копоти и гари,
Безумия машин и мусора кругом...
Здесь даже ишаку, сей терпеливой твари,
Мечтается о городе другом.

Каирская тоска в словах невыразима,
Особенно когда не знаешь языка,
И валит наповал она неотразимо
Заезжего родного мужика.

Он лезет в чемодан... О, русская причуда —
В дорогу б р а т ь всегда, во льды или в пески...
Он лезет в чемодан и достаёт оттуда
То, что сильнее и сплина и тоски...

2.

Каирская тоска проходит понемногу,
Когда ты собираешься в дорогу —
Опять в Москву, в родимую Москву,
Где белый снег увидишь наяву!
Где наша речь и где родные лица.
Прощай, Каир. Москва — моя столица.

Но ради полной правды я скажу,
Что я плохую память не держу.
И я благодарю тебя, Каир,
Что ты собою тоже наполнишь мир.

13.02.07.

Амо Сагиян

«Первая строка приходит от Бога.
А дальше твоя задача —
Написать другие на этом уровне», —
Так говорил мне Амо Сагиян,
Прекрасный, мудрый армянский поэт,
Когда я был у него в гостях
Много-много лет назад
В солнечном весеннем Ереване.
Мы угощались чем-то деревенским
И говорили о поэзии и поэтах,
О жизни и вечности...

Странное дело:
Я до этого всего-то прочитал
5-6 стихотворений Амо Сагияна,
Но в разговоре с ним у меня было ощущение,
Что я говорю с подлинным классиком,
Которого мы все изучали в школе,
И мне представилась возможность
Увидеть этого классика,
Поговорить с ним.

Потом я искал
Каждое новое стихотворение Сагияна;
Долго, многие годы
Мне было радостно думать,
Что на белом свете живёт и творит
Такой поэт! Что его стихи
Так естественно утверждают в мире

Поэзию, красоту, мудрость и саму жизнь...
Я думаю, что своим талантом
Он многим помог...

А недавно я получил подтверждение этому.
Во время тяжёлой болезни
Кайсын Кулиев писал:
«Пока Амо Сагиян смотрит,
Как ложатся семена во влажную землю,
Пока он видит,
Как пронзительна синева неба над Арменией...
Пока он пытается понять язык камня,
Дерева, тропы, дождя, снега,
Пока он сидит под абрикосом,
Разгадывая чудо цветения, и слагает стихи —
Мне легче жить в этом трудном мире
Наперекор обступающим меня тяготам и болезням.
И то, что Амо Сагиян живёт на свете —
Одно это даёт мне силы жить».

Истинные поэты помогают людям.

1 марта 2008 г.

Мотив Малларме

Чтобы там, за вечерним туманом,
Мне не снились пути вдалеке,
Ты умеешь искусным обманом
Удержать мои крылья в руке.

Как волшебница, веером лёгким
Навеваешь ты сладкую мглу —
Вот и сумерки смотрятся в окна,
Скоро ночь притаится в углу.

Никуда, никуда в этот вечер
Ни пути, ни дороги мне нет.
Мои крылья, как сложенный веер...
И — расстёгнутый — рядом браслет.

Из Чаренца

Я целовал армянку молодую,
Смотрел в её открытые глаза.
В них жизнь моя неслась напропалую,
Кончалась в них глухая полоса!

Я был в таком отчаянье глубоком.
Казалось, вся тоска мне одному...
И потому податливый твой локон
Я целовал, как будто жизнь саму!

Ты поняла, армянка молодая,
Мою тоску, мою любовь в душе,
Которая, никак не излитая,
Томила, мучалась, и плакала уже...

Люблю тебя! Я всю тебя целую
И не хочу стихи теперь читать.
Нет, целовать, всю ночь, напропалую!
И завтра — на прощанье — целовать!

Давно я не был за Полярным кругом.
Там накопился воздух для меня,
Как говорить любил Сергей Есенин.
Там накопилась для меня вода
В заливе Кандалакшском. Для меня
Там накопились валуны и скалы,
И острова, озёра, неба свет...
Воспоминанья накопились тоже.

Там лодка ждёт меня, я поплыву
Куда-нибудь вдоль берега морского —
И буду чутко слушать плеск воды,
И вдаль смотреть на острова и сопки,
Смотреть на стаи беломорских рыб...
Гагажьим пухом там душа размякнет.

Там ждёт меня один хороший друг,
С которым вместе мы учились в школе.
Володя Зяблов, ты покажешь мне
Всю новизну старинной Кандалакши?
Там где-то Коля Кольчев творит —
Как хорошо воспел он этот город!
К нему мы обязательно зайдём,
Поговорим да посидим по-свойски.

Там надо мне на кладбище пойти
И помянуть родных... Там надо в школу
Мою зайти, зайти на стадион...
За речкой-Нивой побывать, конечно.
Там накопился воздух для меня!
Там праздник под названием — Кандалакша!

30.03.08.

На белом свете рядом с морем Белым
На Беломорской улице давно
Стоял наш дом на берегу скалистом,
И я смотрел на море. Как в кино
Смотрел — уходят корабли, приходят,
Встают под кран, горят прожектора...
Смотрел и думал о своём о чём-то.
Порой смотрел до самого утра.

И что я высмотрел? А высмотрел я м о р е.
Оно во мне теперь живёт повсюду.
Во мне живут из детства поле с морем...
Мне кажется, что это хорошо.
И потому я думаю, что детство
Моё, при всех, при всех переживаньях,
Прекрасным было детством, даже можно
Сказать, что детство было золотым!

2008

В Береговом

У Ярославы море чудное.
У Ярославы берег радостный.
Тут забывается всё трудное.
Здесь образ мира *белопарусный*...

Душа у Ярославы светится,
Стихи — высоким озадачены.
Поэтам есть где в мире встретиться,
Хотя иллюзии утрачены.

Хотя романтика потеряна
И нету гриновской наивности...
Но Ярослава не намерена
Сдаваться пошлой объективности.

8.08.07.

Песня о Москве

Слава Богу, что есть Москва,
Что она мой приют и дом,
Что всегда, как жена, права
Удивительная Москва.

Я бываю не прав кругом,
Я, бывает, бросаюсь в путь
Как в спасенье... А всё ж потом
Понимаю, где жизнь и суть.

Я вернулся издалека.
Я целую твой дождь и снег,
Словно не был я тут века,
Я счастливейший человек!

Слава Богу, что есть Москва,
Что она мой приют и дом,
Что всегда, как жена, права
Удивительная Москва.

Слава Богу, что есть Москва,
Удивительная Москва!

24.05.08.

Поэзия моя — ты покаянье.
В делах духовных не прилежен я.
И суеты такое обстоянье,
Что измельчается душа моя.

Раскаиваюсь в суете и лени
И в болтовне бессмысленно-пустой,
Встаю перед Всевышним на колени,
Прошу помочь мне силою святой.

Грехи мои сотри блаженным светом
И помоги не падать вновь и вновь.
Хочу достойным быть Твоим поэтом.
Вложи мне в сердце чистую любовь.

21.10.07.

Молитва

Творец, Создатель, Вседержитель,
Всевышний, Всемогущий, Сущий,
И человеков Утешитель,
Не допусти, чтоб червь сосущий
Сердца людские обезволил
И милосердных обездолил,
И память высосал людскую,
И жизнь оставил лишь мирскую:
Без мира высшего, без Бога,
В кривлянье низком, в заблужденье.
Взыщи за отступленья строго,
Но не оставь без возрожденья.

Из века в век родимый наш народ
Выдерживал ужасные набеги.
Их было столько, что потерян счёт...
И до сих пор тут бродят печенеги.

Тут бродят все, кто бит и перебит.
И вроде бы они своими стали.
Но столько их, что уж в глазах рябит —
И как бы мы
среди них
не пропали.

Люблю крестьянские слова —
Телега, прясло, мурава,
Зароды, пажити, бурёнка...
В словах — родимая сторонка.

Названья утвари и твари
Не только ублажают слух,
Но с этим ублаженьем в паре
Живительный витает дух!

Слово не воробей,
Да если ещё при силе.
«Лучшего гоя убей».
Лучшего гоя убили.

Сколько убили вот так
Светлых из русского рода...
Вот потому и бардак
И нестроенье народа.

Больше в армию некого брать в этом тихом краю.
Молодёжи не видно вокруг.
Все погибли в жестоком, неравном бою...
Потому зарастают кустами и пашня и луг.

Этот бой длился долго — десятки мучительных лет.
Власть боролась с народом, она победила народ.
Вот поэтому здесь никого, никого больше нет.
И не факт, что тут снова родимый затеплится род.

3.11.08.

Не могу я вписаться в церковные службы, в посты,
И себя я корю и у Бога прошу милосердья.
Боже, слаб я и слишком люблю я мечты.
Небеса не напрасно Твои называются твердью.
Не мечтами, а силой берутся твердыни всегда.
Я уж пробовал, Господи, но не надолго хватало —
И опять увлекала меня поэтическая звезда,
И душа, и душа так мечтательно трепетала...
Научи меня, Господи, без раздвоенья любить
И земли красоту и постов воздержание тоже —
Помоги мне, Господь, православным воистину быть
И во имя Твоё обретать вдохновение, Боже.

Ласточки вьются и падают,
Ласточек целая рать...
Снова взлетают и радуют.
Сердце уныньем не трать.

Надо из горести выбиться.
Надо опору искать.
Пусть, как юродивый — *лыбиться*,
Но мраку не потакать.

Новогоднее утро

Беру пушистый снег в ладонь и дую.
И, словно одуванчик, снег летит.
Я радуюсь и даже торжествую,
Благословляю снег и зимний вид:
Поля в снегу и в инее деревья,
На небе солнце, словно мандарин...
И топит печки зимняя деревня.
Я по деревне прохожу один.
Стоит колодец, весь обледенелый.
Заиндевели сани у ворот.
А снег в полях — такой белейше-белый,
Как будто ангел по нему идёт!

Моя душа — как нежный лён,
Цветущий лён родного края.
Белеет он со всех сторон,
Цветами по полю играя.
Моя душа — как нежный лён.

Как странник с пыльным батожком
Иду по ласковой дороге.
Хочу идти весь день пешком —
Куда глаза ведут и ноги.
Хочу идти весь день пешком.

Гляжу в заоблачную даль
И в даль земли, такой волнистой, —
На это времени не жаль.
Не жаль, что жизнь проходит быстро.
Гляжу в заоблачную даль.

Мне десять или двести лет —
Не знаю, и не в этом дело.
Такое чувство, будто нет
Начала жизни и предела.
А только — небо, белый свет...

Сижу, тоскую, словно пленник в яме.
В своей тоске мне некого винить.
Пришла луна и встала над полями,
Как будто кто позвал её светить.

Вздыхает шумно во дворе корова,
И я вздыхаю, словно бы в ответ.
Душа тоскует, ожидая с л о в а,
Которое даёт и жизнь и свет.

Ветер обмёл все углы с паутинами.
Осень кончается. Ветер гудит.
Скоро зима с вихревыми путинами
В эти пустые углы налетит.

Ветер гудит над землёй подмороженной.
День или два — и пойдёт ледостав.
Листья, сметённые, грязной рогожею
Стынут, в овраги да в ямы упав.

По всем телефонам трезвонят,
По всем телефонам звонят —
С рождением меня поздравляют.
Бокалами даже звенят.

С рождением меня поздравляют.
Я тоже рождению рад.
О, если б духовно подняться —
Тогда бы я рад был стократ.

Немало на свете я прожил,
Но духом я жил без труда,
Одной только милостью Божьей.
Но так быть не может всегда.

В рождение не наша заслуга,
А наша — настойчивый труд.
С постами, с молитвами — туго,
И в храме давно меня ждут.

24.03.07.

III

Из раннего и неопубликованного

*Всё вопросы, вопросы, вопросы,
На которые нету ответа.
Не помогут покосы и росы,
И мыслителей мудрых заветы.*

*Не утешит родная природа,
Не утешит и слово пророка —
Ждёшь ответа особого рода:
Чтобы в с ё вдруг увидеть глубоко.*

*Чтобы не было больше сомнений,
Чтоб не просто идти наудачу,
Чтоб в любом из летящих мгновений
Понимать свою цель и задачу.*

*И в одно только вызрела вера,
И почти в этом нету сомненья,
Что для жизни совсем не химера
Наше мужество, наше терпенье.*

16.07.83.

Весна

Виснет дымка над майскими травами,
На усадьбах не видно межей,
Трактор по полю ходит, как траулер
По простору морских рубежей.

Эх, великое утро, чудесное!
Блеск лучей — золотых карасей!
И великая тайна небесная
В перекликах летящих гусей!

Я люблю по низинам разливицу,
Откровенье озёрных очей...
Всё живёт, и поёт, и счастливится!
И тучнеет хозяйство грачей.

Я люблю рыбаков по-над водами,
Над лугами заливистых птах...
Радость так и подвозят подводами —
На деревне она и в полях!

Весенние повсюду руны —
Среди полей, среди болот.
Стоит кулик на ножках-струнах,
Своё весеннее поёт.

Вижулька, радуясь апрелю,
Поёт до слёз в избытке сил,
И снова жаворонок т р е л и т,
Как Северянин говорил.

Год за годом

Вот оно, солнце в окошке,
Прямо глядит на меня.
Ложки, домашние плошки —
Всё в переливах огня.

Ласково греет светило,
В мареве тёплом дома...
Это весна наступила
И — отступила зима.

Это весна наступила.
Может быть, этой весной
Сгинет нечистая сила,
Взявшая власть над страной.

Попутчик ехал из Бендер...

Попутчик ехал из Бендер,
Гитара старая басила...
«Прощай, прощай, СССР,
Я эмигрирую в Россию».

Но где Россия, где она?
Она унижена, распята.
Моя великая страна,
Она печалью объята.

Она как будто есть — и нет,
Живёт вполголоса, вполслова.
«Россия! Родина!» В ответ
Здесь крикнут: «Шовинист!» — сурово.

И всё же, всё же, как нам жить
Без подлинной любви и веры.
Доколе русичам тужить
И всё безмолствовать без меры?

Мы сбиты, но не наповал...
Вагон поскрипывал, качался —
И я гитаре подпевал,
И я в Россию возвращался.

Газеты 90-х

Э.И.Сафонову

*Ещё одна, последняя газета,
И на сегодня хватит — угорел...
Скорее взять душевного поэта
И перебить газетный беспредел.*

*В газетах вой — сильнее, чем в народе,
В газетах страх, в газетах кутерьма,
В газетах ложь, цинизм — и в этом роде
Всего так много, что сойдёшь с ума.*

*Да, журналистика не засиделась в девках,
Она, скорее, по рукам пошла...
Однако в этих бедных однодневках
Нам явлена борьба добра и зла.*

*Вот потому я всё же их читаю.
И потому, что в этой кутерьме
Порой такую правду открываю,
Что светит эта правда и во тьме!*

Порой мне кажется, что сердце мироточит.
И на душе такая благодать,
Что всё она понять с любовью хочет
И примирить, и чью-то боль унять...

Особенно на родине такое
Я ощущаю ярче и сильнее —
Среди холмов, полей, среди покоя
Немало было благодатных дней.

Вот и опять тропа ведёт в долину.
Цветы и листья — всё живёт, любя.
Они в лицо мне говорят и в спину:
Мы ждали, мы заметили тебя.

И я люблю их. Я иду по полю.
Я весь в любви сегодня — не в делах.
Я всё люблю — и родину, и волю,
И Божий свет, и в людях, и в полях!

1990

О Николае Тряпкине

Что-то мелко да илисто тут,
Молодёжь где недавно купалась...
Тряпкин вычерпал весь этот пруд,
И воды в нём почти не осталось.

Он как будто на свете один —
Всё он пишет и пишет, и пишет,
До седин и уж после седин,
И завистливых вздохов не слышит.

Всё он вычерпал, всё захватил,
Остальные горюют на кочках.
... Боже, дай и ещё ему сил —
И Тебе хорошо в его строчках!

1990

В телевизоре. 90-е

1.

Он глядит глазами тусклыми,
Пропанганды крупный спец, —
Объясняет стаду русскому,
Что империи конец.

И ему, конечно, весело.
А то в раж войдёт, грозя...
Русофилов он повесил бы,
Но пока ещё нельзя.

2.

Из телерадиоэфира
То бес хохочет, то вампир...
Какая же чума без пира —
Конечно, пир. Конечно, пир.

И лезет в мирные квартиры
Большая свора подлецов.
Пируют бесы и вампиры —
Сатаров, Костиков, Попцов...

3.

У демонов тоже пророки,
Они посылают их в мир
Затмить наши светлые сроки
И смутой наполнить эфир.

Теперь их в эфире немало —
Какой ни включаешь канал...
Как целая стая напала.
Скорей бы Господь их убрал.

4.

Опять это самоубийство —
Над всем основательным смех.
И тут же, конечно, витийство,
В кумир возводящее грех.

И тонкий разврат, и распутство,
И всякий циничный угар...
Всё это, конечно, паскудство;
Особенный — гнилостный — дар.

5.

У нас опять — одни в тоске, в апатии,
А у других идёт победный пляс...
У нас опять победа демократии.
Но много слишком
Трупов
В этот раз.

4.10.93.

6.

Как он шустёр и как он звонок,
Демократический ребёнок.
Чем больше горя у людей,
Тем он шустрее и звончей.

Чем всё тревожней, чем трагичней,
Тем он злорадней и циничней,
Пошлее и демократичней.

7.

Страна больна. Кишат они, как черви, -
Ворьё, бандиты. Бедствует народ.
Всё на интриге, на возне, на нерве...
Переворот, ещё переворот...

Страна больна, измучена, избита.
Кто радуется этому вполне?
Так называемая новая элита,
Враждебная народу и стране.

8.

Унынье — грех. Не лучше ли очнуться.
И сколько ты в унынье ни тони,
Но жизнь идёт,
И люди познают с я...
И смотрит Бог острее в эти дни.

10.10.93.

Горе горькое

*Мы были богатыми, были безумно богатыми
И гордо бросали: Россия — подруга, жена...
Но были плохие мужья мы — и стали рогатыми,
И стала не нашей родимая наша страна.*

*Как будто бы наши цветы и дороги, и заводи.
Как будто бы наши и песни, и в сердце слова.
Да только подруга уехала с кем-то на «Ауди»,
И в дикой тоске понимаешь: подруга права.*

1998

В деревне.90-е и сейчас

1.

Здесь водку пьют — течёт из голенища.
Не знают меры, пьют, и пьют, и пьют...
При питии таком да скудной пище,
Да при тоске — здесь долго не живут.

А жаль. А жаль, что всё тут оборвётся.
И так всё глуше наша сторона.
Последний кто-то здесь в сугроб воткнётся —
И — над пустыней — полетит весна...

2.

Золотые кусты над речкою,
Золотое у речки дно...
Всё прекрасное. Всё не вечное,
Но прекрасное всё равно.

И багряный огонь акации,
И янтарный огонь травы...
И деревня — опора нации,
Исчезающая, увы.

3.

Зачем в российское село
Летят пилоты НЛО?

Они затем сюда летят,
Что избы тут ничьи стоят.

... Инопланетный будет род
Копать российский огород.

4.

Отдохнуть бы родимой земле,
Возродить плодородье полей,
Но кругом перекошены лица,
Понуканья и окрики злей.

Поруганье идёт, поруганье.
Беззащитно бьют по лицу.
Раззадорилось племя поганье:
«Всё к концу на Руси,
Всё к концу».

5.

... Но поют соловьи, зеленеет поляна.
Хоронить мою родину всё-таки рано.
И вижюльки поют и звенят жаворонки.
После прошлой войны затянулись воронки...

Понемногу затянется бездна под нами.
Понемногу окрепнет Россия сынами.

Сверкает солнце на воде весенней,
И южный ветер гонит воду вспять.
Не знаю, будет ли душе спасенье,
Но праздник ей — и снова, и опять.

Весна, весна... Как хорошо на свете,
Что есть весна, что можно её ждать,
Что по весне мы снова словно дети —
И хочется кораблики пускать.

Застыла тучка, словно на этюде.
Вокруг неё жемчужные лучи!
Живут, работают и умирают люди...
Но по весне об этом помолчи.

1998

Я знаю, не о Крыме с Ялтой,
Со всем, до Коктебеля вплоть, —
А спросит у меня Господь
О первой полевой фиалке.

Нет, не о Крыме и столице —
Об этих сереньких домах
И о гусиных вереницах,
Летящих даже и впотьмах...

Какое солнце и какой простор!
Полей под жарким ветром колошенье!
Я на холме, как на горе Фавор,
Стою в чудесный день Преображенья.

И звон стрижей, и журавлиный клик!..
Во всём я слышу радость и надежды.
На небе солнце? Это Бога лик!
Лучи сияют? Нет, Христа одежды!

19.08.95.

Привет, скворцы!
Здорово, грач!
Дрозды-трещотки,
И вам привет!
А ворону поклон.
И жаворонок здесь,
И зяблик кроткий...
Родные птицы все,
Вплоть до ворон.

Я вас приветствую,
С весной вас поздравляю!
Шумите, милые на родине моей.
Я вместе с вами душу утоляю
Раздольями разлива и полей.

Любимые мои, с поры ребячьей
Я слушаю с отрадой птичий гам...
О чём мятёмся мы, о чём мы плачем
И митингуем там, по городам?

Когда вот счастье,
Вот она свобода!
Весна и пенье чудоносных птиц!
И всё это по-царски — для народа,
Вдали от всех озлобленных столиц.

Ещё нет ласточек.
А вот они примчатся,
Потом пойдут руладить соловьи!
Какой же рай другой нам нужен, братцы?
А всё равно — гражданские бои...

Снег сошёл, потеплело немного —
Певчих птиц посылает нам Бог.
С каждым годом их меньше у Бога,
Убивают их яды и смог.

Мы их травим — и это известно.
Сами гибнем — не ропщем уже.
Мы согласны на всякую бездну,
На любую подмену в душе.

И всё меньше и меньше святого,
Здесь и там вопиёт чепуха,
Суетливое всякое слово...
И кругом — адвокаты греха.

Соки трав улетучились в небо,
Где живёт вечноюная Геба.
Соки ярких цветов и осоки...
Видно, Гебе нужны эти соки.

Вырастают стога за стогами.
Стали сеном цветы и трава.
Я то прямо хожу, то кругами,
Для стихов подбирая слова.

Есть слова — пробирают до дрожи,
И свежи — как дыханье реки...
Вечно юной поэзии тоже
Не сухие нужны лепестки.

Прямо у колодца воду пить.
Прямо в огороде есть малину.
В общем, прямо, очень прямо жить,
Подставляя солнцу грудь и спину.

Я уже который день колю
На жаре берёзовые чурки.
Но зато потом прекрасно сплю,
И сверчка не слышу из печурки.

Пролетают надо мной грачи,
Одобрив труд мой не напрасный.
Тётушка густые варит щи
И заводит холодец прекрасный!

Нетрезвая бабочка в поле летала,
Пьяна от нектара и запаха трав.
Конечно, в сачок она быстро попала.
Но пухленький мальчик был явно не прав.

Зачем ты поймал её, радостный мальчик, -
Ей было так вольно, так славно летать.
Теперь она горько по-своему плачет.
Отпустим давай, пусть летает опять

Играй лучше в прятки, играй лучше в мячик —
И бегай, и прыгай, дыши во всю грудь.
Она не забудет, что добрый ты мальчик —
Она, может, фея какая-нибудь...

Сенокос тяжёлый у крестьян —
Все шевелят сено там и тут.
Я в траве залёг, как партизан,
Чтобы не смущать их труд.

Я читаю книгу в тишине.
Загораю средь июльских трав...
Каждому — своё. Однако мне
Не спокойно, словно я не прав.

Будто надо книжечку закрыть
И пойти кому-нибудь помочь...
Или дальше надо уходить —
Чтоб несовпадение превозмочь.

Эмигрант

Стихи эмигранта читаю.
Немного и надо ему:
Стремится, как к светлomu раю,
Опять в петербургскую тьму.

Не надо ему ни короны,
Ни скипетра, ни орла.
Сугробы, родные вороны, -
Он знает, что ваша взяла.

Он хочет пройти над Невой,
В какой-нибудь двор заглянуть —
И в память уйти с головою,
Забыв про отверженный путь.

Идти, позабыв про усталость,
Глотая морозную тьму...
Но эта ничтожная малость
Вовеки не дастся ему.

Дорожные жалобы

Когда огни столицы позади,
По сторонам густая тьма ночная,
Так хочется вернуться с полпути,
Сидеть в Москве, о суете болтая.

Но поезд мчит по просекам зимы,
И от мороза стынет занавеска,
И, как могилы, снежные холмы
Порой блестят и холодно и резко.

И лес такой, как в саване мертвец,
И всё такое дикое, глухое,
Что хочется забраться наконец
В свою постель и нервы успокоить.

Но я к окну холодному приник,
И оттого мне хочется заплакать,
Что я почти от родины отвык
И ничего не вижу, кроме мрака.

Размышление о Бунине в Арктике

*Какое лучистое небо
Над летним дрейфующим льдом!
Как жалко, что Бунин здесь не был,
Вот пишут — жалел он о том.*

*Он всё бы здесь цепко подметил:
И птицы бескрайний полёт,
И то, как мерцает и светит
Зелёный арктический лёд!*

*И здесь, в этом крае тюленьем,
Где холод — и тёплые сны,
Он вспомнил бы южное пенье
И плеск итальянской волны.*

*Но — вспомнив — с кормы парохода
Он твёрдо глядел бы вокруг,
Он дерзко возвысил бы холод
Лежащих на поручне рук!*

Северянка

Эти гладкие волосы белые
Рождены беломорской волной,
Эти плечи, слегка загорелые,
Пахнут чистой лесной тишиной.

Ты как будто совсем и не женщина —
Молодая сосна и волна,
Ты прохлада прозрачного вечера
И покой безмятежного сна.

Северянка с поморского берега,
Позови меня в лодку с собой —
Мы с тобой не откроем Америку,
Мы друг друга откроем с тобой.

Раздумье селянина

— Христос воскрес! Конечно, чудо.
Но также чудо из чудес
То, что повесился Иуда,
Сознательно в петлю полез.
Вот и у нас в селе был случай:
Мужик с восторгом храм крушил.
Но после — запил, так могуче,
Что сам себя со света сжил.

Хочу я в Рим, хочу в Париж...
Но снова — остаётся лишь
Деревня, милая деревня,
Куда и снова, и опять...
Где осмотрел я все деревья,
Где всякую земную пядь
Я исходил — холмы, низины,
Где изучил реку до дна.
Где тётки Паши, тётки Зины...
Моя родная сторона.

А в стороне родной уныло.
А в стороне родной темно.
Там людям выживать постыло...
Там будто кончилось кино
На веки вечные — не будет
Теперь иллюзий никогда.
Тоска там клонит в сон и будит.
Там жизнь разрушена — беда.

Беда, беда — озноб по коже...
Но там ещё родной простор!
Там догорающий, но всё же
Мне душу греющий костёр.

1996

Чахлый ельник да болотца.
Да ведёрко у колодца.
Заночую, где придётся
На родимой стороне.

Я пойду по тем дорожкам,
Где ходили мы с лукошком.
Постою под тем окошком,
Где стоялось раньше мне.

В избу дверь тяжёлая, обшитая,
И высок порог...
А в избе зияет печь разбитая,
И пролом широк.
А в избе стекла и глины крошево,
Пыль кругом.
Продают избу теперь задёшево —
На дрова, на слом.
Покидают в грузовик по брёвнышку —
Вот и нет избы.
Вот и нет в окошках больше солнышка,
Под луной — трубы.

Два настроения

1.

*Летают ласточки, отаву задевая,
Кротовых нор чуть не касаясь, и
Взмывают вверх у самого сарая.
Хожу, гляжу, проходят дни мои...*

*Хожу, гляжу — и счастлив, и задумчив.
Идут, идут по небу облака —
И я иду, как будто им попутчик.
Навстречу открывается река.*

*С рекой мне тоже по пути —
по круче
Береговой иду куда-нибудь...
Я здесь всему, мне кажется, попутчик.
И мир — колхоз с названьем «Светлый путь»!*

1995

2.

*Я здесь опять — и отошли тревоги,
Томленье отлетело и тоска.
Хожу дорогами и без дороги,
Любая цель отрадна и близка.*

*То в эту сторону пойду, а то в другую,
Пойду к реке, плыву или сижу —
Я внутренне сегодня торжествую!..
Но, поразмыслив, горестно сужу:*

Кругом всё это — торжество п р и р о д ы.
Она поёт, она живёт, цветёт...
А вот Россия, торжество н а р о д а?
Всё это гиблый голос подаёт.

1998

«Славянский мир!» Кричи, не докричишься.
Славянский мир поруган, расчленён.
Но, умыслитель, всё же зря кичишься,
Ещё в нас теплится родство племён.

Сегодня грустно: братья друг на дружку
Глядят с расчётом, а порой с враждой.
Мы у врагов теперь на побегушках,
Торгуем всем — и славой, и бедой...

Славянский мир теперь вполне убогий,
И чуть горит славянская звезда.
Но будет час — и голос будет строгий:
«Сплотитесь! Иль сомнут вас навсегда».

Тютчев

Конечно, Тютчев был реакционен:
Любил царя, а смуту не любил.
И больше был к славянофилам склонен —
И потому реакционен был.

К объединению славян стремился,
И государственный был человек —
Великостью России он гордился,
Считал, что «царство не пройдет вовек».

Реакционен — ясно без усилий,
Дудит в реакционную дуду:
Он очень много думал о России
И сильно верил в Русскую звезду.

1990

На карте неба — тучи, тучи, тучи.
Как бы в движенье страны все пришли.
Россия где? Россия там, где лучик,
Как Божья милость, сходит до земли.

Россия вновь окружена валами
Недобрых сил, они её теснят...
Но вот сверкнуло между ними пламя,
И безоглядно молнии летят.

Как будто бой объял и близь и дали.
И гром гремит, и ангелы с трубой.
Вы говорите, что Россию взяли
Враги без боя...
Неизбежен бой!

1997

Совсем не пёкся о народе
Масон известный Нессельроде.
Но был у власти много лет.
Его в живых сегодня нет.
Но перешло из рода в роды —
Пришли другие нессельроды:
Изображают что-то вроде,
Но не пекутся о народе.

2.02.90.

Неужели все у нас масоны
Наверху — и никого там нет,
Кто бы вдруг нажал на все клаксоны
Да на всё
Пролил бы яркий свет!

И народ бы зашумел не робко,
А на всю Россию — до Курил...
И летел бы
Президент, как пробка,
Понимая, что он натворил.

Нет, конечно, там не все масоны,
И не раз нам проливали свет,
Нажимали громко на клаксоны —
Только отзвука в народе нет.

Президент самодовольно вспучен,
Все шустрят, и процветает вор...
Видимо, народ наш так измучен,
Что пока не в силах дать отпор.

1994

Стоят у деревни три стога.
Как три рассуждающих бога...
И есть им подумать о чём —
Ведь жизни всё меньше кругом.
Всё меньше заботливых рук,
И глуше пространство вокруг.

И мы на крыльце рассуждаем,
И выхода тоже не знаем.
Глядим на вечернюю тень —
Темнеет, кончается день.
Темнеют холмы и луга.
Сливаются с небом стога.

*... И вот я снова в Коктебеле.
Пришли другие времена.
Всё тот же здесь загар на теле,
Всё та же, кажется, волна.
Но всё другое здесь творится —
Здесь о стихах не говорится.*

*Да, всё другое, всё другое.
И нет уже той тишины,
Того душевного покоя...
Как нет уже и той страны.*

Ты говоришь: противно понимать
Тебе, ещё вчерашней ученице,
Что учит жизнь лукаво поступать
И предлагает чеством поступиться...

Ты так рвалась в чудесную Москву.
Тебе как праздник видится столица.
Но как его достигнешь наяву?
Ах, всё в тебе девичеством лучится!..

И есть возможность: крупный человек
Устроит всё за девичью уступку...
Обычно говорят: жестокий век.
Но не жестокий век снимает юбку.

12 июня 1982 г.

Измена

Восход на голубиной крыше,
Краснеет серая стена.
Пора вставать. Насмешку слышу:
— Иди, тебя ведь ждёт жена.

Разбросанная торопливо,
Лежит одежда, как в кино...
Вдруг вспомнилось, что в час отлива
Так выглядит морское дно.

Уходят волны, обнажая,
Как свалку, валуны и грязь...
Шумите, волны, заглушая
В душе тоску мою и мразь.

Я был когда-то очень виноват.
Я принимаю все твои упрёки.
И твой горящий ненавистью взгляд
Я заслужил за все свои пороки.

Но Бог судил очистить душу мне
И прояснить туманную дорогу.
Пороки все остались в стороне
И вряд ли больше подойдут к порогу.

Былая жизнь, поверь мне, отсеклась,
И не нужны уже воспоминанья...
И как с подошв отряхивают грязь,
Я отряхнул любовные метанья.

Теперь мне дороги, поверь, семья и дом.
Я изменился, прошлое сжигая.
Я изменился, не гляди врагом
— Ты стал другим. Но я-то не другая.

19.11.1982 г.

Как трудно жить, когда тебе не верят.
Когда тебя считают подлецом.
Лжецом безбожным, похотливым зверем...
А не считают мужем и отцом.

Когда тебя в упор не понимают —
В простых словах двойное ищут дно.
Когда тебя жестоко проклинаят
С твоей судьбой, с друзьями заодно.

Нелепо, дико, пошло. Но, однако,
Ни юмор не спасет и ни гнев.
«Каким чертям нужна вся эта драка?
Кому отрадно от тоски и мрака?» —
Я думаю порой, остолбенев.

Какое-то нелепое страданье...
Хоть выход есть как будто бы — развод.
Но он ещё пошлей непониманья.
К тому же знаю, это наказание
Пришло за согрешенья в свой черёд.

март 1985

Эту женщину растлевали
В номерах и на чердаках.
Беззастенчиво раздевали
С наслаждением и впоыхах...

Годы шли, а с неё, как прежде,
Будто в этом её судьба,
Всё снимали, срывали одежду...
Стала зла она и груба.

На лице, как печать какая,
Сразу виден порок.
А была ведь она молодая.
И никто её не сберёг.

Может быть, виноватых нету.
Всё к судьбе сведём, торопясь.
Только многие ходят по свету,
Кто хотел бы отмыть свою грязь.

В этом сквере скамейки изрезаны,
Под скамейками всяческий хлам.
Здесь бутылки в кошёлку облезлую
Собирает старик по утрам.

Ничего он от жизни не требует,
Собирает бутылки, сдаёт.
Он с вином понемногу обедает,
Незаметно и ночь настаёт.

А в ночи не страдает кошмарами
И не копит он суетных сил —
Он укрылся дерюгами старыми,
Он дорогу другим уступил.

Не угнаться ему за реформами.
Может, в этом он сам виноват...
Под скамейками хлам, под платформами...
Сколько много на свете утрат.

Северный порт

Свистки и толканье составов,
И краны у самой воды,
И баржи у стенок причалов,
И в трюмы — погрузка руды...

Ковши раскрываются точно,
Лишь пыль отлетает за борт.
Работает дённо и ночью
Заваленный грузами порт.

Конструкции, тракторы, бочки,
И соль, и шампанское здесь...
И всё это без проволоки
Отправят в арктический рейс.

Пойдёт теплоход сквозь торосы
Под небом полярным пойдёт...
И снова увидят матросы
Зелёный арктический лёд.

... Здесь чудо творится со мною:
По краю причала ходить —
И то наслажденье какое!
А если куда-то уплыть!

Конец навигации

«Волго-Балт» на подходе болтается.
К волнам лепится снежный заряд...
Всё, матрос, отходил навигацию,
До весны ты свободен от вахт.

Под гитару ступаешь на сходни,
Распахнув просолённый бушлат, -
Ты немыслимо волен сегодня,
А на днях ещё будешь богат!

Всё нормально, матрос, понимаю.
Пусть душа твоя будет легка,
Если волен и весел без края
И завидно так молод
Пока.

Кандалакша

До свиданья, город Кандалакша!
Доберусь до станции пешком.
На прощанье кто-нибудь помашет
Варежкой за дрогнувшим окном.

И пойдут упорные колёса
Всё быстрее, уверенней стучать.
Будет снег с обветренных откосов
Мне вослед неудержимо мчать...

Сколько раз я уезжал отсюда.
Сколько раз я приезжал сюда.
Кандалакша — северное чудо!
Я тебя запомнил навсегда.

Я привык прощаться и встречаться.
Мне порою кажется уже,
Что моя судьба всё время мчаться,
Чтобы было весело душе.

Но куда бы в мире я не мчался,
Беломорский этот городок
Памятным для сердца оставался,
Чтоб сюда я возвращаться мог.

Кандалакша, ты легла на душу
Заполярным светом, стариной...
Здесь я в детстве вьюги твои слушал,
Слушал чаек радостных весной.

Потеряться в этом мире страшно.
Надо в сердце обрести покой.
До свиданья, город Кандалакша!
Мы ещё увидимся с тобой.

Вот кино посмотрел я — «Кукушка».
Так, фрагмент бытия, завитушка.
Но пейзаж в этом фильме чудесный
И давно, и давно мне известный.

Кандалакшский залив я увидел!
И вниманьем героев обидел:
Не вникая в сюжетные споры,
Я на воду смотрел и на горы.

Я смотрел и не мог насмотреться
На далёкие острова,
Те, которые знаю с детства, —
Я их мысленно целовал.

Север, север, люблю твои воды
И небесные твои своды.
Я люблю твоих жителей лица —
В них полярное лето лучится...

Из-за сопки выходит светило —
И залив нежным светом горит!
Да, душа это всё не забыла —
Помнит, любит и в сердце хранит.

Что делать...

Что делать в поезде? Читать, конечно.
Глядеть в окно да слушать разговор.
Вот обсуждают мужики неспешно
Вид из окна. Какой простор!

Но все поля, где колосились нивы,
Теперь заброшены. Как будто не нужны.
И разговоры мужиков тоскливы —
В кустах поля родимой стороны.

Вагоны мчат... И лезет вон из кожи
Радиоголос: мы!.. у нас!.. да нам!
Лежи и думай: чем же непохожи
Здесь разговоры, в поезде, и там...

Сентябрь, 1977

В родных местах

*Когда-то здесь, мой сын, стояла мельница.
Крутились плавно крылья на ветру...
Когда-то здесь гуляли красны девицы,
По ягоды ходили поутру.*

*Когда-то здесь в бору летали соколы,
Пастух играл в заливистый рожок,
И князь глядел из терема высокого
И наглядеться досыта не мог.*

*Глядишь, мой сын, и веришь и не верится:
Теперь тут ничего, один изъян.
Я тут застал уже одну лишь мельницу,
А ты застал — крапиву и бурьян.*

1980

*... И не надо никакой награды
В деле непростом —
Говорить кому-то только правду
О себе самом.*

*Да о жизни, как бы ни давалась,
Говорить светло.
Ведь пройдут страдания и усталость
И отступит зло...*

1980

Русь, Россия, Советы — названья
Изменялись, менялись черты,
Но всегда оставалось страданье...
Открывай свою душу и ты.

Жить открытой душой — это больно.
Больно, больно, а ты потерпи.
Это к родине путь не окольный,
А прямой — и его люби.

1977

Он

Он с каждым годом ближе и понятней.
Жизнь без Него, мне кажется, тесна.
Его «Придите!» всё ясней и внятней.
Он путь, Он истина, страданье и — Весна!

*До последнего дня, до последнего мига
Пусть во мне сочиняется новая книга.
Будет исповедь, даст Бог, и будет причастье,
И строка промелькнёт — как последнее счастье.*

Щавель выцвел, как жизнь выцветает,
И поблекли мои небеса...
Что теперь мою душу питает,
И какие теперь чудеса?

Мою душу питает надежда,
Что мне всё-таки будет дано
Для стихов, для стихов неизбежных
В этих суетных буднях о к н о.

Бежецк

Есть на свете улица Большая
В небольшом уютном городке.
Я туда не часто приезжаю,
Но, в каком бы ни был далеке,
Помню, знаю, сердцем приближаю
Небольшой уютный городок,
Потому что улица Большая
Мне родней всех улиц и дорог.

10.12.06.

Здравствуй, Бежецк, город не безликий.
Здравствуй, площадь и в цветах горсад —
В нём Шишков, наш романист великий,
Поприветствовать его я рад.

Жизнь — Угрюм-река... И я согласен.
Классик прав, мне внятней с каждым днём.
Но есть город, светел он и ясен,
Мне тепло и не угрюмо в нём!

В этот город — все мои дороги.
Здесь душе всё радостно кругом.
Здравствуй, Бежецк! Словно на пороге
Я стою, а ты — родимый дом.

Потолок твой, окна, половицы —
Всё моё родное, навсегда.
А внизу река течёт, струится,
И сверкает солнечно вода!

15.12.06.

Звёзды чиркают небо, сгорая.
Над рекой догорает костёр.
Засыпаю под утро в сарае,
И мне снится такой разговор.

— Ты себя не обманывай, в мире
Было много таких же, как ты,
Тоже что-то бренчали на лире,
Но понять этот мир не могли.

Что поймёшь ты, то капля всего лишь.
Так зачем себя мучить, скажи?
Вдохновенно себя ты — неволишь...
— Я неволю себя для души.

А она и живёт только этим.
Что, прикажешь мне жить без неё?
Без неё одиноко на свете,
И бессмысленно всё бытиё.

— Что душа? Это выдумки ваши,
Всё метафора только одна,
Чтобы мир-то обманывать краше... —
Я проснулся, вокруг тишина.

Добрым солнцем туман был просвечен,
От костра чуть струился дымок.
И опять я ходил по-над речкой
И чего-то понять я не мог.

А потом мне почудилась песня.
Этой речки? Травы? Камыша?
И была, слава Богу, на месте —
Где, не знаю — на месте душа.

«Колокольчики мои!» —
Сказано навеки.
Значит ласки и любви
Много в человеке.

Я сегодня наяву
В полевом просторе.
Словно парусник, плыву!
А цветов тут — море!

Небосвод высок и чист,
Жаворонок весел!
Каждый цветик, каждый лист
Чем-нибудь чудесен.

И легко, легко-то как!
В сердце только милость!
Словно где-нибудь в овраг
Смутное скатилось.

Из энциклопедии «Русские писатели XX века»

ИВАНОВ Геннадий Викторович [14.III.1950, г. Бежецк Тверской (тогда Калининской) обл.] — поэт.

По отцовской и материнской линии родом из крестьян Тверской губернии. Родители рано разошлись, поэтому отца не помнит; воспитывался матерью и отчимом. Детство провел в деревне Высочёк Бежецкого района. Первые представления о мироустройстве почерпнул от глубоко религиозной бабушки Евдокии, которая в вере особо не наставляла, но сумела заронить в детскую душу ощущение, что *Бог видит всё*. Поэт вспомнит ее не раз в стихах: «Полосы снега метельного / Ветер пронесит по льду. / Над занесенными елями / Первую вижу звезду. / ... Бабушка часто в раздумии / Учит, чтоб я уповал: / Люди, что жили, не умерли — / На небе век их настал. / ... Есть ли там снежные россыпи? / Песни поют ли? О чем? / Разве с такими вопросами / Справишься детским умом...» («Далекое»).

Учиться пошел в соседнее село Градницы, где была школа, располагавшаяся в бывшем барском доме Гумилёвых, перевезенном в 1930-х гг. из Слепнёва. Тогда эта фамилия мало что говорила (Н. С. Гумилёва, расстрелянного в 1921 г. как участника контрреволюционного «таганцевского заговора», в советской поэзии легализуют лишь в середине 1980-х), но впоследствии бежецкая земля, давшая одного из самых таинственных русских поэтов, будет питать не одно стихотворение И.: «Нет на земле могилы Гумилёва, / Но есть могила матери его — / Здесь можно постоять и поклониться / И матери, и сыну, и земле... / ... Нет на земле

могилы Гумилёва. / Себе он это явно напроорочил: / Его стихотворенье «Завещание» / Прочтите — он могилы не хотел» («В Бежецке»). Если о Гумилёве не говорили, то о том, что в Слепнёво бывала А. Ахматова, вспоминали. И этот поэтический уголок поэт не минует: «Как хорошо мне в этой тишине! / Иду, присяду где-нибудь на кочке / И слушаю — слова идут ко мне, / Как будто здесь таинственный источник. / Струится мужа доблестная речь, / И женщины высокое моление... / Не надо никаких музейных свеч, / Пусть будет вечно это запустенье...» (стихотворение «Слепнёво»). Оно войдет в первый сборник И., готовящийся к печати на рубеже 1980-х, и поэт, конечно, уже знал о судьбе Гумилёва («Струится мужа доблестная речь...»), но — характерная примета времени! — стихотворение в книге снабдили осторожной сноской: «Слепнёво — бывшая дворянская усадьба в Тверской губернии, куда не раз приезжала Анна Ахматова, где она написала многие стихи». К бежецкой земле И. сохранит привязанность и переехав в столицу — в 2003 г. выпустит книгу «Знаменитые и известные бежечане. От Алексея Аракчеева до Алексея Смирнова».

Читал в детстве немного, но из скромного собрания книг, имевшихся в доме, сразу выделил чеховскую «Каштанку» и старинный сборник «Русские народные песни», который в восьмилетнем возрасте читал часами и постоянно напевал любимившиеся песни из него. В отроческом возрасте И. вместе с семьей переехал в г. Кандалакша Мурманской области. Там, на побережье Белого моря, начали складываться первые стихотворные строки, а уже в семнадцатилетнем возрасте

(1967) в г. «Кандалакшский коммунист» впервые была опубликована его стихотворная подборка. И все же в выборе литературного пути определился не сразу. Закончив Московский политехникум, получил специальность электротехника, отслужил в армии, поступил в Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, откуда через некоторое время ушел в Литературный институт им. А.М. Горького, который окончил в 1977 г. Много лет проработал редактором в издательствах «Современник», «Художественная литература» (заведующий редакцией современной литературы) «Вече» (заместитель главного редактора). С 1999 г. — секретарь правления Союза писателей России, с 2004 г. — первый секретарь Союза писателей России.

Первой серьезной публикацией считает поэтическую подборку в ж. «Москва» (1975, № 11). Представляя поэта, В. Соколов отмечал: «Стихи Геннадия Иванова искренни по интонации и чувству, молодой автор экономен в слове, его поэзия стремится к краткости и точности». Заметна в этой подборке и склонность И. к философичности: ««На влажном солнце я плечу / Свечусь, ласкаю птичью стаю, / И к берегу я, как к плечу / Доверчивому припадаю...» / Играй, волна, играй и пой, / Пока душа веселью верит, / Не ходят тучи над тобой, / И не разбил тебя прибой / О тот же берег» («Песня утренней волны»).

Первый сборник стихотворений И. «На высоком холме» вышел в 1981 г. в издательстве «Современник». Рекомендуя его к изданию, В.И. Казанцев писал в рецензии: «Рукопись Геннадия Иванова заметно выделяется своей свежестью. Когда говорят о свежести стихов, то

обычно имеют в виду языковую свежесть или свежесть чувств. Я же имею в виду свежесть самого поэтического содержания. Его составили раздумья о постижении мира, о смысле труда, творчества, красоты. В стихах Г. Иванова по-своему отозвалась судьба калининской деревни, где прошло его детство, и мурманский север, где он несколько лет жил и откуда уходил в плавание матросом в Арктику».

К тому времени И. прошел через любопытство к поэзии Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенского, но не увлекся «громкой» новизной, которая подчас сводилась к игре экстравагантных для тогдашнего читателя слов. ««Кто будет тешиться игрой / И увлекаться ложью, / Окажется перед горой. / И подниматься должен. / Он должен камень докатить / К сияющей вершине / И там его установить!» — / Так боги порешили», — писал И. в стихотворении «Сизифов труд». Настоящим открытием стали Н.М. Рубцов, В.Н. Соколов, А.В. Жигулин, умевшие в традиционном стихе выразить современное содержание, сочетаемое с извечными темами поэзии. В способности И. к неоднородному постижению мира Казанцев, думается, и уловил свежесть содержания: «Когда погас на горизонте свет / И от миров повеяло кочевьем, / Я все глядел на уходящий след / При свете кормового освещения. / И думал я, что жизнь, как этот след, / Недолго вьется, мчится и играет, / Что чуть подалее — и его уж нет, / И он в волнах бесследно исчезает. / Но всё хотелось на него смотреть... / Работал винт, поток воды толкая, / И неся след — исчезнуть, умереть, / И смысл, и очертания теряя» («Когда погас на горизонте свет...»).

Критик Ю. Болдырев так характеризовал сборник «На высоком холме»: «Я прочел первую книгу Геннадия Иванова... книгу, довольно объемистую для дебютной. Прочел и перечел снова — но уже не в том порядке, как она составлена, а как (предположительно) она писалась... Собственно, перед нами... как бы четыре книги: раздел — книга. Книга о деревне. Воспоминания о детстве. Ностальгическая грусть об ушедшем и уходящем... Вторая книга. ...Зарисовки моря и неласковой северной земли. Описания тяжелого моряцкого и рыбацкого труда... Третья книга — грустный любовный и семейный роман... Обычные, привычные, многожды встречающиеся мотивы... Резко меняет впечатление четвертая, последняя, книга, составляющая первый раздел сборника. Тут уже не воспоминания тлеют, тут жизнь происходит на наших глазах: «Ночь грозная — мрак огнистый! / Мы с другом вышли на крыльцо: / Над нами гром гремел, и близко / Светили молнии в лицо! / И этой полночью ненастной, / Похожей на большой пожар, / Мы называли жизнь прекрасной / И снова верили в свой дар! / Как будто гром, потрясший стены, / Огонь — пронзающий стрелой — / Освободили нас из плена / Какой-то тяжести земной...» Вялость сменилась энергией. Стихотворец обрел голос поэта... Характер, личность прорезались. Биографические детали... — уже не мелочи быта...; в них то мерцает, то внятно говорит и сказывается судьба. «Я стал другим», — пишет в стихотворении «Горит костер» Г. Иванов. Конечно. Произошло укрупнение облика...» («Гражданственность — талант нелегкий...» — «Литературная учеба», 1982, № 1, с. 172 — 176).

Впрочем, «укрупнение» не только облика, но и смыслов можно предугадать и в более ранних стихотворениях сборника, к примеру, в мудрой народной простоте, казалось бы, самого романтического из сюжетов: «Смеялась и пела, смеялась и пела — / Стирать и готовить и шить не умела. / Но это до срока, потом то и дело / Стирала, готовила, шила — и пела. / И счастья другого вовек не хотела!» («Счастливая»), хотя первые поэтические книги нередко грешат формальной условностью очевидных вещей.

Вторая книга, как известно, самая трудная, часто «кризисная», ведь то, что обещано в первой, должно подтвердить во второй. И поэт откровенно начинает следующий поэтический сборник «Любовью живы» («Современник», 1986) со строгих вопросов к себе и сомнений: «Эта ночь — не пора ли итогов? / Нет, еще не пора, не пора. / Еще мало я вынес уроков, / Начал жизнь понимать лишь вчера. / Только-только пришли испытанья, / Есть о чем говорить не спеша. / Только-только чужие страданья / Ощутила своими душа» («Эта ночь — не пора ли итогов...»). Отсюда и самоирония: «Мы пьем вино в старинном ресторане, / Который прежде назывался «Яр», / Мой друг времен сопоставляет грани / Под грохот электрических гитар... / ... Но вдруг мы оба странно замолчали / И засмеялись с грустью пополам: / Ведь мы с тобой никем еще не стали, / И Пушкина-то толком не читали, / А всё туда же — «Яр», цыганей нам...» («Студенты»). Вообще сквозная тема этой книги — размышления о верности избранного пути, о праве называться поэтом («В нас ни огня священного, ни яда, / Во всем у нас какая-то прохла-

да...» — «Другу-поэту»), о сути поэзии («Поэзия принадлежит земле — / Полям и рощам, ветру и прибою, / Глазам девичьим, женской доброте, / Первопроходцам, мудрецам, влюбленным... / Поэзия принадлежит земле...» — «Поэзия принадлежит земле...»). Эту объяснимую и в общем-то естественную для чуткой поэтической души рефлексию уравнивает понародному мудрое отношение к жизни: «Жизнь прекрасна, удивительна, / Упоительна подчас. / Но летит она стремительно / И легко минует нас. / Умоляюще, зависимо / Ловим блеск ее волны. / ... Поперек ложимся жизни мы. / Как на речке валуны» («Жизнь прекрасна, удивительна...»).

В следующих поэтических сборниках И. «Утро памяти» («Советский писатель», 1988), «Красный вечер» («Современник», 1991), «Берега» («Столица», 1991) заметно расширился диапазон тем, личные, лирические мотивы обогатились более масштабными размышлениями, на которых настаивала уже сама жизнь. Набирала ход перестроечная кампания, начавшаяся с уценки великого прошлого Российского государства. И. обращается к фигурам, составившим славу и крепость России — стихи «Сергий Радонежский» (««Безбожество будет разбито», — / напутствовал князя монах. / Безбожество будет разбито / И проклято будет в веках...»), «Раздумья М. В. Ломоносова» («Добро в круговой обороне, / А пошлость — опять на коне. / И снова ты, как посторонний, / В своей необъятной стране...»), «Судьба — суд Бога...» и др. В этом ряду и в это время совсем не праздным представляется и обращение к классике: «Читаю «Бесов»... Верховенский, / Ставрогин, Шатов...

/ Боже мой, / На них какой-то мрак вселенский, / И души их налиты тьмой. / ... Ах, публика передовая, / Ну почему всегда ты там, / Где ложь и наглость? Как слепая, / За ними ходишь по пятам» («Читая «Бесов»»). Появляется и совершенно неожиданная для «тихого лирика» — а И. с полным основанием можно отнести к этому поэтическому направлению — тема: «Русланову слушает старый солдат, / И вольно в душе, как в долине. / Да, он консерватор, и он ретроград, / Но был в сорок пятом в Берлине. / И песня как ветер летит сквозь года / Из дали поверженной прусской — / Русланова пела в рейхстаге тогда / С великою удалью русской. / Шумите, витии, не знавшие бед, / В герои себя возводите. / Не знали ни бед, ни великих побед, / Что вам остается — шумите». («Ветеран»). Для тех, чья память еще удерживает первые смерчи перемен, когда новые витии обрушивались на армию, пытаясь украсть у ветеранов победу, и договаривались до того, что войну выиграли чуть ли не штрафбаты, ироничный подтекст слов «консерватор» и «ретроград» вполне понятен. Перестроечная смута почти не изменила лирический голос поэта, в нем не появилось ни бравурных нот, ни унылого тона, — лишь горечь наблюдений. В интервью газете «Литературная Россия» («Девятый вал прошел...»; 1996, 23 февраля, № 8) И. вполне определенно высказал свой взгляд на происходящее: «Я тут слушал одного современного мыслителя: он считает, что мы переживаем конвульсии умирающей эпохи. Именно жуткие конвульсии и именно жуткой эпохи. Поэтому, мол, так страшно в этом времени... Владимир Соколов сказал мне в ответ на жуткое время и все такое

прочее: «А все-таки ведь красиво, и стихи пишутся». Может быть, он имел в виду красоту осени — а за окном была чудная осень. Но можно посмотреть и пошире. Красота ведь не только в природе, красота есть и в трагедии... Бог посылает страдания... чтобы православные одумались. Что в сущности и происходит. И мне кажется, что русские поэты будут здесь не посторонние. Но это такая сложная тема, что лучше ее оставить».

В рассуждениях — оставить, а в творчестве поэта вопрос веры и безверия, прежде всего как личный вопрос, становится все насущнее: «Окропи меня, батюшка, грешника, / Намоленной водою святой — / Разных бесов большого приспешника. / Окропи меня, батюшка, грешника, / И спасительных Тайн удостой...» («Окропи меня, батюшка, грешника...»). Сосредоточенность на этой теме отметил по-своему и С. Казначеев в статье ««Мы пришли в этот храм зарыдать...». Проблема веры в современной русской поэзии»: «В сборнике Геннадия Иванова «Долгий день» (Тверь, 1999. — Л. К.) добрая половина стихов посвящена возрождению в России православных обычаев. С недавних пор высказываться и писать об этом стало хорошим тоном... Герой Геннадия Иванова, принимая веру предков, признает, что церковные обряды для него пока что знакомы и понятны не вполне. По его мысли, требовать от литератора строжайшего соблюдения всех церковных предписаний можно, но не это главное в вопросе веры, главное — чтобы его творчество находилось в согласии с евангельскими принципами: «...Я знаю, что не отмолить стихами / Грехов, но все трево-

жусь о стихах. / А надо просыпаться с петухами, / Читать каноны, думать о грехах... / И так, наверно, будет до могилы, / Хоть это мучает сознание мое. / Прости меня, Господь, и дай мне силы / Творить во имя светлое Твое» («Я не могу как следует поститься...» — Л. К.)» («Литературная учеба», 2003, № 2, с. 74).

Вообще, как показывает история литературы, проблема поэзии (светской) и веры, а точнее, поэта и веры теоретически нерешаема, хотя подступались к ней и более могучие, чем наши, умы. Думается, деликатнее других об этом высказался Г. Адамович: «Люди по-настоящему ведь делятся не на верующих и неверующих, не на тех, кто ходит к обедне и кто к обедне не ходит, люди делятся на тех, которые чувствуют загадочность жизни, наличие тайны в мироздании, и тех, которым все представляется просто... Богу не оскорбительны ни сомнения, ни недоумения, Богу оскорбительно равнодушие, отсутствие «трепета»» («Оправдание черновиков»). В отсутствии трепета, судя по стихам, И. вряд ли упрекнешь: «Эта жертвенность листьев — как знак примирения... / Вот и я примиряюсь то с тем, то с другим, / И все чаще в устах моих благодарение, / Что подлунный наш мир еще Богом храним» («Примирение»), потому в сомнениях поэта видится более искреннего религиозного чувства, нежели в прямых декларациях и начетничестве. Здесь нелишне вспомнить и евангельские слова: «И блажен, кто не соблазнится о Мне» (Мф. 11: 6), которые можно истолковать и так — не надо посягать на роль Всевышнего Судии, каждый должен исполнять свое предназначение на земле: поэт — петь, воин — защищать Отечест-

во, священник и монах — молиться за нас, грешных. Иначе случится Вавилонское столпотворение (что мы имели возможность наблюдать в последнее десятилетие). И поэт это интуитивно чувствует: «Куда бегут все эти «мерседесы», / Все эти дорогие катафалки? / Они везут покойников духовных — / А я живой, а я иду пешком... / Конечно, все не так прямолинейно, / И все не так, наверно, безнадежно, / Но все-таки никак я не поверю, / Что вот они Россию и спасут. / Монах спасет Россию и священник, / Спасут Россию воин и крестьянин, / Спасут Россию тихие молитвы / И громкие орудия спасут» («Куда бегут все эти «мерседесы...»).

Лауреат премий «Литературной России» в 1990 и 1991 гг., имени Ф. И. Тютчева в 2002 году и Большой литературной премии России в 2005 году. Живет в Москве.

Соч.: На высоком холме: М., 1981; Любовью живы: М., 1986; Утро памяти: М., 1988; Красный вечер: М., 1991; Берега: М., 1991; Долгий день: Тверь, 1999; Кресты и ласточки: М., 2000; [Стихотворения] // Русская поэзия. XX век. Антология. / Под ред. В. А. Кострова, Г. Н. Красникова. М., 1999; второе изд. 2001; Знаменитые и известные бежечане. От Алексея Аракчеева до Алексея Смирнова. Вып. 1: М., 2003; Вып. 2: М., 2003; Вып. 3: М., 2005; Новые стихи: М., 2006; Избранное: М., 2006; Стихотворения: Волгоград: Издатель, 2007.

Лит.: Юрий Болдырев. Гражданственность — талант нелегкий. / Литературная учеба, 1982, № 1; А.А. Тер-Маркарян. Девятый вал прошел... (беседа). / Литературная Россия, 1996, 23 февраля; С.М. Казначеев.

«Мы пришли в этот храм зарыдать...» / Литературная учеба, 2003, № 2; Александр Гриценко. Диалектика Божия./ Литературная Россия, 2006, №23; Александр Трапезников. Поэзия — это симбиоз звука и смысла./ Литературная Россия, 2006, №40; Валентина Ерофеева. Таинственный источник./ Наш современник, 2007, №2; Анна Ретеюм. Как будто наяву или Поэтика смиренномудрия в стихотворениях Геннадия Иванова./ Литературная Россия, 2008, №27; Александра Баженова. «Ей служить...»./ Наш современник, 2008, №10.

Л. С. Калюжная

ГЕННАДИЙ ИВАНОВ

Ответы на анкету газеты «Российский писатель»

1. Ваше самоощущение в современном обществе?

Самоощущение некоторой потерянности, потому что в обществе идут слишком бурные процессы, за которыми трудно следить и порой невозможно понять происходящее. Это с одной стороны. А с другой стороны, когда почитаешь святоотеческую литературу, когда поговоришь с православным батюшкой, когда окинешь взором многовековую земную жизнь людей, которые страдали не меньше нашего, радовались не больше нашего, жили, мучались, терпели, смирялись, устремлялись к Богу, то понимаешь, что в любое время спрос прежде всего с самого себя. И начинаешь понимать, что самое главное, как говорится в утренней молитве: «омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя...» Это самое главное и, что важно, самое понятное с годами и с опытом. Тогда всё встаёт на свои места — и нет никакой потерянности. Есть задача, есть работа. Правда и враг силен и лени много, и характера не хватает, но это всё равно ясно и понятно.

Конечно, грустно, что в современном обществе поэзия на задворках. Вообще поэзия, в широком смысле. Общество стало попросту говоря грубым. Но есть, есть островки.

2. Вам как писателю, в первую очередь, хочется высказаться или создать произведение искусства (при всём том, что вроде бы важно и то, и другое)?

Вокруг нас столько много высказываются... И на площадях, и в СМИ, и особенно в Интернете, что всё яснее и яснее я стал понимать огромное значение произведений искусства. Есть тоска по подлинному искусству, которое намного глубже всех наших высказываний, которое говорит душе и сердцу, и миру самое главное. Ну что уж такого умного или необходимого как хлеб я могу сказать? Могу протестовать против той несправедливости, которая вокруг творится. Но, смотрю, многие это делают гораздо пронзительнее меня, идут на схватку с властью, готовы жертвовать собой ради общей справедливости, их слова подкреплены поступками.

Меня тянет к хорошим стихам, к хорошим картинам, к хорошей музыке. Настоящее искусство оно и радует, и примиряет с обстоятельствами — или, наоборот, помогает их преодолеть (поверх барьеров). В произведениях искусства есть та художественная полнота, которая значима и сегодня и будет значима через сто лет, когда всё кругом в политическом плане поменяется. В них — вечная актуальность. Вот несколько дней назад был я в Центральном доме художника на ежегодной выставке «Россия». Привезли лучшие современные картины со всей страны. И что очень сильно заметно — почти нет высказываний. В 90-е годы картин-протестов, картин-кличей, картин-плакатов было много. Сейчас художественная жизнь

России входит в свои вечные берега. На первом плане чудесные живописцы Абакумов, Курнаков, Зверьков, Оссовский, Виктор Иванов... А злободневность тоже преображена, вписана в контекст вечности — например, в картинах Гелия Коржева. У него на этой выставке потрясающе интересная работа «Скорбный дуэт».

Одним словом, мечтаю написать хорошие стихи. И вовсе не мечтаю написать хорошие стихи конкретно о чём-то. Стихи должны быть хорошими. Ещё лучше — прекрасными.

3. От Бога получает, читателю передаёт — таким было всегда представление о писателе. Насколько утратил сегодня писатель своё сакральное значение? Нет ли у вас ощущения, что современный литературный процесс уже не является своего рода общегражданским форумом, как это было в «золотом» 19 веке? Какова перспектива у литературы как товара, созданного только для продажи? Какой вам представляется литература, если довериться ощущению Ницше, что «Бог умер» даже в не религиозном, а общефилософском значении этого ницшеанского образа современного мира.

Современный писатель, да, утратил сакральное значение. Есть такое ощущение, что эта сакральность как будто убрана какой-то высшей силой из современной литературы, да и вообще из современного искусства. И общегражданским форумом тоже не является. Да. И не потому, что всё стало коммерческим. Я думаю,

что бывают такие периоды, когда «поле отдыхает», набирается сил. Ведь как оно плодоносило — в поэзии, например, в двадцатом веке! Чудо. А теперь набирается сил. Вся эта шушера отойдёт потом, когда вдруг родится писатель-исполин, когда зазвучит снова русское слово во всю силу!

Моя вера

Нет зерна, кругом одна полова.
Где ты сильный, где ты гордый, росс?
Но я верю, что воскреснет Слово
Родины, как солнце, как Христос!
Просияет для себя и мира.
Верю в это, утверждать берусь.
Это мне подсказывает лира,
Говорит: пиши так — и не трусь.

А что касается Ницше, то Бог не умер, поэтому я не хочу ничего такого и представлять. Как говорит народ, вот сейчас перебесятся люди — и поймут, где сокровища настоящие, а где поддельные. Ведь уже многих тошнит от телевизионной хохмы, чернухи и пустоты. Литература обязательно ответит на серьёзные запросы людей. Бог даст.

4. Дорожите ли вы «любовью народа»? Или — «нас мало избранных»?

Надо вспомнить, что тот, кто сказал эти слова, про любовь народа, сказал определённо: «Поэт, не дорожи

любовию народной...». Но сказал не в смысле, что презирает народ или его мнение. Ведь потом он сказал про свой памятник, что к нему «не зарастёт **народная тропа**». Пушкин сказал в том смысле, что не суетись, поэт, не подлаживайся под толпу. Любовь народа — это потом, в веках. А суета — это при жизни.

Народ — это понятие мистическое. Бог любит — тогда и народ любит.

Избранных действительно мало. Но не нас. Нас — много.

5. Какова Ваша самая горячая мысль и ваше самое тревожное обращение к современному читателю?

Я отвечу одним своим давним стихотворением, в котором, мне кажется, есть и эта мысль и это обращение:

Вот и Волги берег молчаливый —
Никого сейчас на берегу:
Холод, ветер, катер торопливый,
Небо, словно в зимнюю пургу.

Против ветра в небе бьётся птица,
Медленно летит она. Куда?
Что сейчас в душе её творится?
Холод. Ветер. Зыбкая вода.

...Надо жить, хотя так трудно верить
В лучший смысл земного бытия,
Надо приходить на этот берег,

Чтоб тоска развеялась твоя.

Ведь уже не раз такое было:
Так же сердце от неверья стыло,
А потом, откуда ни возьмись,
Начиналась, продолжалась жизнь.

6. Мы живём в новом тысячелетии, после многих революций и связанных с ними катастроф, после двух коренных ломок общественного строя, причём вторая предполагает полный отказ уже не от религии, а от христианских норм жизни и смену нашего национального менталитета. Возможна ли в современной литературе связь с литературой прошлых эпох? Какие книги из прошлого, включая XX век, могут быть актуальны сегодня и почему?

Ну, во-первых, ещё не факт, что мы откажемся от нашего национального менталитета. Не потому, что мы такие хорошие, а потому, что менталитет у нас такой. Может быть, и хотели бы отказаться да не получается. Конечно, особо сильный накат идёт в культуре — культурный код России подвержен диким атакам. Но поэт как заклинание повторяет:

Если выстоять нужно,
как в окопе, — в судьбе,
«У России есть Пушкин!» -
говорю я себе.

Это Глеб Горбовский. Но в этом роде могут сказать тысячи и тысячи наших, подверженных атакам, современников, которые ощущают в себе связь и с Пуш-

киным, и с Тютчевым, и с Блоком... И со своими вполне православными предками. С одной стороны, в эти годы враг работал на понижение человека, на его оскотиивание, но, с другой стороны, как никогда, была нам, особенно в книгах, представлена русская история, которая помогала современникам не терять связь к подлинной Россией. Поэтому и Кожин-историк так необычайно популярен в эти годы...

Что такое для литературы прошлые эпохи? От прежних эпох остаются лучшие произведения. А лучшие произведения = это и мастерство, и глубина мысли, и новизна идей... Одним словом, есть чему учиться новым поколениям. Так что связь безнадежно не оборвана. Думаю, что и от нашей эпохи останутся произведения, которые не утратили связи с предыдущими эпохами.

Актуальны сегодня могут быть и произведения древнерусской литературы, они все зовут человека к спасению души, к борьбе с грехами (очень актуально), все наши классики актуальны, потому что чувства добрые пробуждали лирой, а это сейчас очень необходимо, многие книги советских писателей делали то же самое. Конечно, книги прошлых эпох, может быть, не объяснят нам особенности сегодняшней беды России, но они показывают нам — откуда мы, кто мы, за что мы, они выстраивают некую линию, которую не такто просто сломать различным культурным революциям. Вообще вся русская литература для нас сейчас актуальна — если мы будем её держаться, то победим.

7. Какого вопроса вы от нас не дождались и что бы вы на него ответили?

Не дождался вопроса: «Когда закончится кризис?»

Ответил бы на него: «Никогда. Но жить надо».

Геннадий Иванов
Февраль, 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

БАЛЬМОНТ	2
В ГОСТЯХ У БАЛЬМОНТА	4
МОЯ ВЕРА	5
ДЕРЕВЬЯ	6
ГЛЯДЯ НА ИКОНУ	7
БОГ ПОМОЖЕТ РОССИИ!	8
ТАК ВДРУГ СЕРДЦЕ СЕБЯ ПОКАЗАЛО	9
ТРЁХСТИШИЯ ЯПОНСКОГО МОНАХА	10
ПЛЕСКУЧИЙ ДОЖДЬ ПО КРЫШЕ ЛЬЁТ В НОЧИ	12
ОПЯТЬ В РОССИИ В ХРАМАХ МНОГОЛЮДНО	13
АРХИЕПИСКОП МИР ЛИКИЙСКИХ	14
ДЕРЖИТЕСЬ, ЛЮДИ РУССКИЕ, ДЕРЖИТЕСЬ!	16
ВЕТЕР СЧАСТЬЯ В НЕСЧАСТНОЙ СТРАНЕ	17
РОССИЯ — СТРАНА ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА?	18
СРОСТКИ	19
НА ВЕЧЕРЕ «АЛТАЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ»	21
В МОСКВЕ	21
В ИРКУТСКЕ	22
НА РОЖДЕСТВО	24
ВОЗРАЖЕНИЕ	25
ВОСХИЩЕНИЕ	26
О МИРЕ	27
В ПЮХТИЦАХ	28
ТАМ, ГДЕ РЕЮТ СТРИЖИ	29
СКОЛЬКО МОЖНО ХИТРИТЬ И ЛУКАВИТЬ	30
У КОРЕНЬЕВ МАМВРИЙСКОГО ДУБА	31
НАС ПУГАЛИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ	32
ОСЕНЬ, ОСЕНЬ — ХРАМ ЗОЛОТОЙ	33
ВЕТЕР КАЧАЕТ РЯБИНЫ.	34
А ОСЕНЬ НИЧЕГО НЕ ОБЕЩАЕТ	35
НА КРАСНОМ КУСТАРНИКЕ БЕЛАЯ КОЖИЦА ИНЕЯ	36
ВНУЧКЕ	37
ВОТ ОБЪЕКТ МОЕГО ВНИМАНИЯ	38
ПОЧЕМУ-ТО ДЕТИ ОТОВСЮДУ ПАДАЮТ	39

ДЕТЕЙ ПРОБЛЕМЫ И ОТЦОВ	40
СНЕГ СВЕРКАЕТ И МЕРЦАЕТ	41
ЖИЗНЬ ЭТО ВСЁ-ТАКИ НЕ АД	42
У МЕНЯ ЕСТЬ ВНУЧКА НАСТЯ	43
ЛИСТОК РЯБИНЫ — МНОГОКРЫЛЫЙ	44
НАКЛОНИЛИСЬ НИЗКО ИВЫ	45
ШУТКИ В СТОРОНУ И УЛЫБОЧКИ	46
ТАК СУЖДЕНО И ТАК ОТ ВЕКА	47
И СНОВА ПРАЗДНИК НОВОЛЕТИЯ	48
У НАС ВСЁ ПРОТУХАЕТ С ГОЛОВЫ	49
ЗА ЖЕМЧУЖНЫМ ЗАКАТОМ	50
ПОСЛЕ РАССТРЕЛА. 1993 ГОД	51
ВСЁ ИДЁТ К ЧЕМУ-ТО НЕ РОДНОМУ	52
ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ...УЛЫБКОЮ СВЕРКНУЛА	53
ЕЩЁ ОДНА ОСЕНЬ ПРОХОДИТ В СКАНДАЛАХ	54
ИЗБА	56
НИКОЛАЮ ДМИТРИЕВУ	57
ПОЭТУ ВАСИЛИЮ МИШЕНЕВУ	58
МИР ДУШЕН, БЫВАЕТ, И ТЕСЕН	60
СОВЕСТЬ ПРОСНУЛАСЬ РАНО	61
В ПОЛЯХ ПОД БЕЖЕЦКОМ	62
ВОТ ОН — БАРХАТНЫЙ РУССКИЙ СЕЗОН	64
В ЧЕГЕМЕ	65
ЛЕЛЕКОВКА	67
ВОСПОМИНАНИЕ О БЕСЛАНЕ	69
ВЕЧЕРНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ О КАВКАЗЕ	70
ТАКУБОКУ В ДЕРЕВНЕ	71
КРИЗИС	72
СЛАВА БОГУ, ВЫМОЛЕНО ЧУДО	74
В УГЛУ ГОРИТ ДОМАШНЯЯ ЛАМПАДА	75
ВЕСЕННИЕ НАБРОСКИ	76
ДВА ЧЕТВЕРОСТИШИЯ	77
СТАРШЕКЛАССНИКИ ПРОСЯТ ПОЧИТАТЬ СТИХИ О ЛЮБВИ	78
ПОЭТЫ МЕШАЮТСЯ ПОД НОГАМИ	80
ДЛЯ ЧЕГО И ЖИВЁМ,	81
ТЫ ГОВОРИШЬ МНЕ: ДАЧА, ДАЧА...	82

ВСЁ МЕНЬШЕ СЛОВ, КОТОРЫЕ ВОЛНУЮТ	83
БЕЗ ВДОХНОВЕНЬЯ — НЕ ДУША, А ВАТА	84
РАЗРЫЛИ ХОЛМ — И ГДЕ СТОЯЛ НАШ ДОМ,	85
...НЕ ТОЛЬКО В ДЕРЕВНЕ — В СТОЛИЦЕ И НА ПОЛУСТАНКЕ	86
СКРИПИТ БЕДНОТА, НИЩЕТА, ВЫБИВАЯСЬ ИЗ СИЛ.	86
Я УХОЖУ ОТ ВЫПИВОК-ЗАКУСОК	87
ЛИЛОВЫЙ ТАТАРНИК ДА ЖЁЛТАЯ ЛЮБКА, ПУШИЦЫ	88
НА КОНФЕРЕНЦИИ В КАИРЕ	89
МНЕ ГОВОРIT ФАРУХ ШУША,	91
ПИРАМИДЫ	92
ПО СИНАЙСКОЙ ПУСТЫНЕ ИДУТ БЕДУИНЫ	93
КАИР	94
АМО САГИЯН	96
МОТИВ МАЛЛАРМЕ	98
ИЗ ЧАРЕНЦА	99
ДАВНО Я НЕ БЫЛ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ	100
НА БЕЛОМ СВЕТЕ РЯДОМ С МОРЕМ БЕЛЫМ	102
В БЕРЕГОВОМ	103
ПЕСНЯ О МОСКВЕ	104
ПОЭЗИЯ МОЯ — ТЫ ПОКАЯНЬЕ	105
МОЛИТВА	106
ИЗ ВЕКА В ВЕК РОДИМЫЙ НАШ НАРОД	107
ЛЮБЛЮ КРЕСТЬЯНСКИЕ СЛОВА	108
СЛОВО НЕ ВОРОБЕЙ	109
БОЛЬШЕ В АРМИЮ НЕКОГО БРАТЬ В ЭТОМ ТИХОМ КРАЮ	110
НЕ МОГУ Я ВПИСАТЬСЯ В ЦЕРКОВНЫЕ СЛУЖБЫ, В ПОСТЫ	111
ЛАСТОЧКИ ВЫЮТСЯ И ПАДАЮТ	112
НОВОГОДНЕЕ УТРО	113
МОЯ ДУША — КАК НЕЖНЫЙ ЛЁН,	114
СИЖУ, ТОСКУЮ, СЛОВНО ПЛЕННИК В ЯМЕ	115
ВЕТЕР ОБМЁЛ ВСЕ УГЛЫ С ПАУТИНАМИ	116
ПО ВСЕМ ТЕЛЕФОНАМ ТРЕЗВОНЯТ	117
ИЗ РАННЕГО И НЕОПУБЛИКОВАННОГО	118
ВСЁ ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ	118
ВЕСНА	119
ВЕСЕННИЕ ПОВСЮДУ РУНЫ	120

ГОД ЗА ГОДОМ	121
ПОПУТЧИК ЕХАЛ ИЗ БЕНДЕР...	122
ГАЗЕТЫ 90-Х	123
ПОРОЙ МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО СЕРДЦЕ МИРОТОЧИТ	124
О НИКОЛАЕ ТРЯПКИНЕ	125
В ТЕЛЕВИЗОРЕ. 90-Е	126
ГОРЕ ГОРЬКОЕ	129
В ДЕРЕВНЕ.90-Е И СЕЙЧАС	130
СВЕРКАЕТ СОЛНЦЕ НА ВОДЕ ВЕСЕННЕЙ	132
Я ЗНАЮ, НЕ О КРЫМЕ С ЯЛТОЙ	133
КАКОЕ СОЛНЦЕ И КАКОЙ ПРОСТОР!	134
ПРИВЕТ, СКВОРЦЫ!	135
СНЕГ СОШЁЛ, ПОТЕПЛЕЛО НЕМНОГО	137
СОКИ ТРАВ УЛЕТУЧИЛИСЬ В НЕБО	138
ПРЯМО У КОЛОДЦА ВОДУ ПИТЬ	139
НЕТРЕЗВАЯ БАБОЧКА В ПОЛЕ ЛЕТАЛА	140
СЕНОКОС ТЯЖЁЛЫЙ У КРЕСТЬЯН	141
ЭМИГРАНТ	142
ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ	143
РАЗМЫШЛЕНИЕ О БУНИНЕ В АРКТИКЕ	144
СЕВЕРЯНКА	145
РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА	146
ХОЧУ Я В РИМ, ХОЧУ В ПАРИЖ...	146
ЧАХЛЫЙ ЕЛЬНИК ДА БОЛОТЦА	148
В ИЗБУ ДВЕРЬ ТЯЖЁЛАЯ, ОБШИТАЯ	149
ДВА НАСТРОЕНИЯ	150
«СЛАВЯНСКИЙ МИР!» КРИЧИ, НЕ ДОКРИЧИШЬСЯ	152
ТЮТЧЕВ	153
НА КАРТЕ НЕБА — ТУЧИ, ТУЧИ, ТУЧИ.	154
СОВСЕМ НЕ ПЁКСЯ О НАРОДЕ	155
НЕУЖЕЛИ ВСЕ У НАС МАСОНЫ	156
СТОЯТ У ДЕРЕВНИ ТРИ СТОГА	157
...И ВОТ Я СНОВА В КОКТЕБЕЛЕ	158
ТЫ ГОВОРИШЬ: ПРОТИВНО ПОНИМАТЬ	159
ИЗМЕНА	160
Я БЫЛ КОГДА-ТО ОЧЕНЬ ВИНОВАТ	161

КАК ТРУДНО ЖИТЬ, КОГДА ТЕБЕ НЕ ВЕРЯТ	162
ЭТУ ЖЕНЩИНУ РАСТЛЕВАЛИ	163
В ЭТОМ СКВЕРЕ СКАМЕЙКИ ИЗРЕЗАНЫ	164
СЕВЕРНЫЙ ПОРТ	165
КОНЕЦ НАВИГАЦИИ	166
КАНДАЛАКША	167
ВОТ КИНО ПОСМОТРЕЛ Я — «КУКУШКА»	169
ЧТО ДЕЛАТЬ...	170
В РОДНЫХ МЕСТАХ	171
...И НЕ НАДО НИКАКОЙ НАГРАДЫ	172
РУСЬ, РОССИЯ, СОВЕТЫ — НАЗВАНЬЯ	173
ОН	174
ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ, ДО ПОСЛЕДНЕГО МИГА	175
ЩАВЕЛЬ ВЫЦВЕЛ, КАК ЖИЗНЬ ВЫЦВЕТАЕТ	176
БЕЖЕЦК	177
ЗДРАВСТВУЙ, БЕЖЕЦК, ГОРОД НЕ БЕЗЛИКИЙ	178
ЗВЁЗДЫ ЧИРКАЮТ НЕБО, СГОРАЯ	179
«КОЛОКОЛЬЧИКИ МОИ!»	181
ГЕННАДИЙ ИВАНОВ	194
ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ ГАЗЕТЫ «РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»	194

ИВАНОВ
Геннадий Викторович

«ВЕТЕР СЧАСТЬЯ»

Новая книга стихов

*В оформлении книги использованы работы
художника Александра Харитонова*

Иванов Г.В.. ВЕТЕР СЧАСТЬЯ.— М.:
Издательство «БПП», 2009.— с 207.

ISBN 978-5-901746-08-0

© ИВАНОВ Г.В., 2009
© Издательство «БПП», 2009